

Ты — мой
РИСК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦАРИНА ВЕРЕСК

18+

Царина Вереск

Ты - мой риск

«Автор»

2026

Вереск Ц.

Ты - мой риск / Ц. Вереск — «Автор», 2026

Она привыкла все держать под контролем - чувства, слова, дыхание.он привык забирать все, что хочет - сделки, людей, победы.Лана - женщина, которая выжила там, где другие ломаются.Алексей - мужчина, который никогда не просит. Он берет.Их встреча не должна была стать ничем. Ни взгляд. Ни разговор. Ни случайная близость.Но некоторые люди - как огонь: к ним не подходишь... или сгораешь.Он не спаситель.Она не жертва.И между ними - не любовь с первого взгляда.Это столкновение. Это выбор. Это риск.А риск - его любимая игра.

© Вереск Ц., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ты - мой риск

Глава

Глава 1

Лана

Я уже третий раз пробегаю взглядом по зеркалу и понимаю - я снова опаздываю.

Не просто опаздываю — катастрофически опаздываю, а это значит только одно: Остин уже раздражён. Он ненавидит, когда я задерживаюсь, и хотя он чаще всего делает вид, что это пустяк, я прекрасно знаю: за этим следует молчание, холод и выверенные уколы в мою сторону. Остин никогда не кричит, не устраивает сцен, но его молчание хуже любого скандала. Оно холодное, липкое, растекающееся по дому, будто туман, которым хочется закашляться.

Вечер тёплый, но это не спасает от того напряжения, которое висит в воздухе. Я смотрю на своё отражение и мысленно повторяю: «Спокойно, Лана, сегодня всё должно быть идеально».

На столике лежат аккуратно сложенные подарки — один из них для хозяйки вечеринки, другой — маленький жест Остину, который недавно привёз мне букет. Я всегда стараюсь быть благодарной. Моя жизнь с Остином одновременно уютная и удушающая.

Я снимаю темно-бордовое платье и надеваю снова, поправляю лямку, снова смотрю в зеркало, морщу нос. Оно невероятно неудобное: узкое в бёдрах, слишком тугое в талии, то самое «драгоценное, классное, сексуальное», как сказал Остин. Сверкает и обтягивает все, что только можно. Оно красивое — да, объективно красивое. Именно такое, как любит Остин: блестящее, обтягивающее, чуть вызывающее. Идеальное для вечера, где всё внимание будет на людях и статусе. Только вот... не моё. Совсем. Платье, которое покупала не я. Платье, которое выбрал он.

Взял сам, без моего мнения. «На тебе будет сидеть идеально. Все повернутся». Повернутся — это да. Но сидит оно отвратительно: ткань колется, врезается под грудью, а тонкие бретели всё время сползают. Зато, как говорит он, «дорого выглядит».

Я выгибаюсь, пытаюсь застегнуть молнию до конца. Сзади впивается спинка: чувствую, как буквально врезается между рёбрами. И почему я вообще согласилась его надеть?..

Потому что Остин любит, когда всё по его правилам.

Я снова дёргаю молнию на спине, она скользит, будто издевается. Каблуки, на которых я не ходила уже месяц, поднимают меня выше обычного, и каждая попытка сделать шаг выглядит так, будто я учусь заново.

— Лана! — раздаётся голос из коридора. Нетерпеливый, раздраженный — Мы уже должны быть там. Сколько тебя можно ждать?

Вздыхаю.

Его голос — не громкий, не злой, но обесценивающий. Будто я — не человек, а приложение к нему, которое плохо работает.

— Минуту! — кричу в ответ, но выхода нет: каблуки слишком высокие, и я почти бегу мелкими шагами, боясь упасть.

Туфли тоже его выбор.

Я вообще не знаю, кто я в этой одежде — точно не настоящая я.

Я подхватываю клатч, ключи, нервно проверяю прядь волос. Внутри всё наготове: телефон, помада, зеркало, пара документов — всё, что может понадобится. Я чувствую, что это не просто вечеринка. Это очередной экзамен — проверка моих способностей быть рядом с Остином, быть полезной, быть... послушной.

Пытаюсь привести волосы в порядок, но уже понимаю: все равно кое-что будет лежать не так, как надо. Утром была укладка у мастера, Остин настоял: «Мы должны выглядеть идеально». Мы? Скорее, он должен выглядеть идеально, а я... я должна соответствовать.

Выдыхаю.

Выхожу в коридор, где он стоит у двери, скучающе листая телефон.

Остин красив — слишком красив, как модель рекламного буклета. В этом его сильная сторона. Он знает, как выглядеть выгодно. Никаких складок, ни одной лишней детали: идеальная причёска, строгий костюм, брюки со стрелками, рубашка чуть расстегнута на воротничке, уверенная поза. Его привлекательность — инструмент. И мне когда-то нравился этот инструмент. Я была ослеплена им.

Сейчас — нет. Сейчас я просто вижу человека, который использует свою красоту, как карточку доступа в любой мир.

Он поднимает голову.

— Наконец-то. — В его голосе слышно: я подвела. — Ты могла бы готовиться раньше.

Он делает шаг, медленно, оценивающе проводит взглядом по мне. Мой живот сжимается от этой паузы. Когда-то я вздрагивала от удовольствия, когда он так смотрел. Сейчас — от напряжения.

— Платье сидит отлично, — говорит он. — Я же говорил, что нужно было брать именно его.

— Оно немного тесное, — тихо отвечаю.

— Тебе идёт. — Он улыбается чуть шире. — На тебя будут смотреть все мужчины.

Это должно быть комплиментом.

Но звучит, словно он показывает свою собственность.

Остин гордится, что у него такая женщина. Но это чувство гордости — все, что он мне когда-либо давал.

Мне хочется сказать, что платье неудобное. Что каблук тоже его выбор. Что я просто хочу чувствовать себя собой. Но я молчу. Как всегда. Киваю, потому что так проще. Проще согласиться, чем спорить. Проще улыбнуться, чем получить очередную дозу холодного презрения.

Остин берёт меня под руку, чуть сильнее, чем нужно.

Не больно, но... будто помечает.

— Пошли. И, Лана... — он смотрит прямо в глаза. — Постарайся не нервничать. Сегодня важно показать себя. Всё-таки благотворительный вечер, все будут смотреть.

Показать себя.

Меня это всегда смешило. Себя там показывать нечего — все роли давно распределены.

Его легкая улыбка — одобрение — но одобрение потребительское. Он гордится, что я выгляжу идеально, но не интересуется, удобно ли мне или нет.

Мы вместе десять лет. Он никогда не просил выйти замуж, но я была влюблена без памяти. Я живу так, как он хочет. Я внимательна, аккуратна, благодарна. Я — его женщина, его гордость, но не его любовь. Иногда мне кажется, что мы — соседи, которые делят квартиру. Он работает, я поддерживаю. Он играет, я улыбаюсь. Иногда думаю, что если уйду — он даже

не заметит. А я... не могу уйти. Я жду, что он проявит эмоцию. А он... нет. Он всегда чуть выше меня, чуть холоднее, чуть дальше.

Мы выходим. Теплый воздух улицы даёт мне шанс вдохнуть по-настоящему. В квартире будто всё пропитано Остином — его запахом, его требованиями, его настроением.

До мероприятия недалеко — очередной благотворительный вечер, где собираются люди с деньгами и теми самыми улыбками, которые ничего не значат.

Мы садимся в машину. По дороге до мероприятия я пытаюсь не думать о боли в груди от туго корсета и о том, как неудобно стоять и двигаться в этом платье. Моя роль ясна: красивое украшение рядом с Остиным.

За рулем он что-то рассказывает о партнёрах, планах, сделках. Я знаю эти разговоры наизусть. Он любит говорить о своём бизнесе, любит рассказывать маме, любит хвастаться. А я... должна слушать. Должна «поддерживать».

Годы назад я думала: он делится со мной, доверяет, делает меня частью своей жизни.

Сейчас я думаю: он просто вещает.

И я удобна, потому что не перебиваю.

Я слушаю, но не слышу. В голове всплывают отрывки нашей жизни: мои восемнадцать, его внимание, мама, сияющая от счастья, будто ей сделали предложение, а не мне. Тогда он казался таким взрослым, серьёзным, красивым. Мама была в восторге:

«Ланочка, ты посмотри! Парень с головой, перспективный, не то что твои ровесники. Держись за него, слышишь?»

Мама всегда так говорила. Держись. Держи. Держи зубами. Я держалась.

Держусь до сих пор.

Хотя уже давно не знаю — зачем.

Любовь тогда казалась большой и настоящей. Сейчас... не знаю, что это. Привычка? Боязнь уйти? Или он так долго держал меня в своих руках, что я перестала понимать, где границы.

Когда мы подъезжаем к зданию, залитому огнями, у меня перехватывает дыхание не от восторга — от напряжения. Такие мероприятия — место, где я должна молчать, улыбаться и выглядеть «как надо».

Я наблюдаю за прохожими сквозь окно, ощущаю, как все взгляды направлены на нас. Остин, как всегда, держится отстранённо, уверенно. Он улыбается, но не для всех. Его внимание — только к нужным людям, к тем, кто что-то решает.

Внутри шумно, сверкающе, глянцево. Свет мягко отражается от хрустальных люстр, музыка играет тихо, создавая фоновый шум. Разговоры, смех, бокалы, люди в розовых масках удовольствия, в дорогих костюмах и платьях, все блестит так, что глаза устают. Всё слишком яркое, слишком блестящее.

Остин кладёт ладонь на мою поясницу и ведёт вперёд, как куклу на ниточке.

— Улыбнись, — шепчет он. — Не стой как школьница. А то выглядишь, будто хочешь сбежать.

Я улыбаюсь. Фальшивой улыбкой, но он не замечает. Он вообще не смотрит на меня по-настоящему. Я иду рядом с ним, чувствую лёгкое волнение: сегодня я «его девушка», «поддержка», «идеальная визитная карточка».

Мы здороваемся с кем-то, потом еще с кем-то, с партнёрами, с их женами, с важными людьми. Он шутит, рассказывает, хвастается. Я поддакиваю. Говорю пару фраз, когда нужно. Остин делает вид, что мы идеальная пара.

Я стою рядом, улыбаюсь, и думаю, как же долго я уже здесь, выполняю роль, которая стала частью меня самой.

Через двадцать минут Остин внезапно исчезает.

— Я скоро вернусь, — кидает он мне на ухо, — поговорю кое с кем.

И исчезает в толпе.

Я остаюсь одна, чувствуя, как на меня косится пара мужчин у барной стойки. Смотрят открыто, словно оценивают товар. Я отворачиваюсь и пытаюсь занять себя — рассматриваю интерьер, людей, бокалы.

Но проходит ещё пять, десять минут, а Остина всё нет.

Я решаю пройтись. Оглядываюсь и вижу его чуть поодаль.

Он стоит с девушкой — яркой, смеющейся, слишком близко. Она наклоняется к нему, касаясь рукой его локтя. Он говорит ей что-то, что заставляет её заливаться смехом.

Его рука на её талии.

Уверенная. Знакомая. Та же рука, которая час назад держала меня.

Я застываю.

Внутри что-то холодеет, но не ломается — это уже давно сломано.

Девушка в красном тянет его за руку — и они вместе скрываются в одном из коридоров. Туда, где находятся туалеты.

Я стою среди сотен людей, но чувствую себя до абсурда одинокой. Даже смешно — десятки глаз, музыка, смех... и полная пустота.

Пытаюсь не показывать виду. Пытаюсь быть той Ланой, которой он хочет меня видеть - красивой, спокойной, удобной. Просто беру бокал шампанского, касаюсь губами. Смотрю по сторонам — будто ищу кого-то знакомого, будто просто рассматриваю зал.

Но внутри всё вибрирует, болит. Я ненавижу себя за эту боль. За привязанность. За то, что я всё ещё с ним.

Вспоминаю, как всё начиналось. Как он дарил цветы. Как мама сияла от счастья, словно Остин — подарок лично для неё. Как я была влюблена — до глупости, до наивности.

И как постепенно он начал учить меня, как правильно жить. Как нужно вести себя. Какой должна быть женщина рядом с ним.

Не заметила, когда стала не личностью — ролью.

Костюм «идеальной девушки Остина».

В комплекте — удобство, тишина, послушность.

Я — красивая оболочка в неудобном платье.

Я — женщина, которую взяли, поставили и забыли.

Я — будто декоративная деталь рядом с мужчиной, который когда-то клялся, что любит.

«Я могу доверять ему? Любит ли он меня? Или это просто привычка? Мама всегда говорила: удерживать мужчин нужно лаской, послушанием...»

В этот момент я впервые чувствую себя совсем маленькой среди людей, света и чужих улыбок.

Шампанское обжигает горло. Глаза щиплет.

Я выматываю взглядом зал, пытаюсь зацепиться за что-нибудь — за свет, за музыку, за случайный смех. Лишь бы не думать, что мой мужчина сейчас в туалете с другой.

Хотя это не новость. Я всегда догадывалась. Просто... раньше мне было больнее.

Теперь боль почти привычна.

Я делаю шаг в сторону от толпы. Хочу немного воздуха, хоть крошку свободы.

И в этот момент я впервые ловлю себя на мысли, которая кажется чужой, опасной, но почему-то облегчает:

Может, я не обязана так жить.

Может, есть жизнь вне Остина. Вне этого мира, где я — лишь украшение.

Не знаю, что будет дальше. Но сегодня, в этом неудобном платье, среди чужих людей, я впервые позволяю себе подумать о том, чего хочу именно я.

И пока я стою в одиночестве, держа пустой бокал, не подозреваю: через несколько минут в толпе появится взгляд чужого мужчины.

Взгляд, который разорвёт мою жизнь на «до» и «после».

И я ещё не знаю — он станет моим спасением или моей новой зависимостью.

Но он обязательно станет чем-то судьбоносным.

Глава 2

Алексей

Я вхожу в зал, привычно держась в центре событий. Сразу окутываюсь в привычный шум. Вечеринка для поддержания связей, обмен комплиментами, демонстрация статуса.. Люди, бокалы, свет, музыка — шум и блеск, который для большинства означает роскошь и успех. Для меня это — привычная арена, где я держу всё под контролем, где каждая улыбка, каждое слово — часть игры.

Музыка здесь не для того, чтобы танцевать - она лежит фоном, аккуратной светской пластинкой, чуть шипит, как старая память. Яркий свет от множества хрустальных люстр, тяжёлые шторы, разговоры негромкие, с паузами, где люди смотрят друг на друга слишком внимательно. Мероприятие собрано из людей, которые делают вид, что им хорошо: дорогой алкоголь, чужие смехи, нарочная близость, случайные прикосновения. Я вижу это насквозь - мужчины меряются статусом, женщины взглядами и телами, каждый здесь что-то продает, даже если не осознает. Это не вечеринка, это раут: сюда пришли не отдыхать, а показываться.

Я не спешу, как будто у меня весь вечер впереди, наблюдаю, как кто-то здоровается через фамилии, кто-то улыбается слишком вежливо, кто-то делает вид, что не считает чужие часы и манжеты. Здесь все знают правила, и я знаю их лучше большинства.

Я стою среди таких людей, легко поддерживая разговор, как всегда делал это на подобных мероприятиях. Кто-то жмет руку, кто-то показывает презентацию на планшете, кто-то рассказывает очередную историю о том, как «рынок опять изменился». Я слушаю, отвечаю, управляю ритмом разговора. Всё идет по привычной траектории: власть в мелочах, спокойствие, контроль.

Я разговариваю с одним из партнёров о новом проекте, слушаю презентацию другого — всё стандартно. Мой голос ровный, уверенный, как всегда. Власть ощущается легко, естественно. Я властвую, и никто не сомневается.

Один из партнеров рассказывает мне про новый проект. Не могу сказать, что меня очень увлекает его повествование, но таковы правила. Вникаю поверхностно, но мне этого достаточно, чтобы поддерживать «дружескую» беседу.

И вдруг... я вижу её.

Она стоит у края зала, слегка покачиваясь на каблуках, пытаясь держать равновесие. Словно случайно оказалась не в том месте. Платье блестит на свету, его складки и изгибы подчёркивают каждое движение. Кажется, мир вокруг нее ускоряется, а она остается неподвижной точкой, в которую я мгновенно вцепляюсь глазами.

Лёгкая тень среди ярких огней.

Платье, тугое, обтягивающее - не её выбор. Слишком узкое, слишком неудобное, слишком кричащие линии ткани, заставляющие ее неловко поправлять подол. Но как оно смотрится на её теле... Голимый секс в сверкающей обёртке. Каждое движение — тонкая игра света и линии, каждая неловкая попытка поправить платье — словно приглашение. Но именно это и притягивает мой взгляд: в ее движениях нет фальши. Естественность среди всей этой позолоченной суеты.

Её взгляд блуждает по залу, она кажется маленькой в этом море людей, но я вижу: она не просто красива — она живёт в своём мире, и этот мир притягивает меня магнитом.

Сердце бьется быстрее.

Я не знаю её имени. И это прекрасно. Её загадка, её недоступность — вызывает во мне настоящую агонию. Не просто желание, а странное внутреннее безумие. Я хочу подойти, почувствовать её, сказать хоть одно слово.

Все разговоры вокруг разом теряют смысл.

Я вижу только её.

Наблюдаю, как она чуть сдвигает плечи, будто чувствует взгляд. Не оборачивается. Терпит. И это заводит сильнее, чем если бы она сразу посмотрела в ответ.

Она слегка оборачивается, и на секунду её глаза встречаются с моими. Свет падает на её лицо. Тонкие черты, мягкое выражение серых глаз — и что-то такое, что мгновенно цепляет меня. Это не обычный интерес. Это острое, почти болезненное чувство: будто я вижу женщину, которую давно искал, не зная об этом.

Всё вокруг исчезает. Музыка, смех, разговоры — становится пусто. В этом взгляде я уже понимаю: она будет моей.

— Алексей Андреевич, так что насчёт поставок... — начинает кто-то рядом.

— Позже, — отрезаю я, сам не узнавая свой голос.

Я делаю шаг вперёд, плавный, уверенный, как всегда. Но внутри буря. Спокойствие снаружи — владение, холодное, как лёд. Внутри — страсть, почти безумная, словно током бьёт каждую клетку.

— Добрый вечер, — произношу я, когда оказываюсь ближе. — Можно присоединиться?

Она вздрагивает. Лёгкий румянец на щеках, неловкая улыбка, словно понимает, что я не просто мужчина, а шторм, который вот-вот накроет ее.

Я чувствую, что она напряжена, что она сама понимает, что вокруг неё играют свои правила. Но я не готов ждать. Я принадлежу себе, и теперь хочу владеть моментом, не торопясь, но точно.

— Э... да, конечно, — едва выдавливая она, едва стоя на каблуках, словно пытается удержать равновесие. Голос тихий, слегка дрожащий.

Она смотрит на меня снизу вверх, и в ее взгляде читается волнение. Чистое, незащищенное, ненаигранное. Я чувствую, как эта невинность обжигает сильнее любого желания. Это разжигает во мне безумие, которое обычно я держу под контролем. Я спокоен, властен, но внутри - агония, притяжение, желание, которое я не могу сдерживать. Хочу немедленно притянуть ее ближе, почувствовать ее запах, вкус ее кожи, разорвать уже наконец это тугое платье.

Тебе сразу станет легче.

- Я - Алексей Воронов, - представляюсь я, делая шаг ближе.

Она не успевает мне ответить. В этот момент появился он.

— Алексей Андреевич! — раздаётся уверенный, ровный голос. Он возникает как будто специально, кладя ладонь на ее талию. — Рад видеть. Разрешите представить: это моя девушка, Лана. Мы недавно закрыли крупную сделку, - обращается он к своей даме, - впереди ещё одна.

Автоматический ритуал: кивок, улыбка, вежливое приветствие. Но взгляд мой остается на ней. Пялюсь. Моргнуть не могу. Приковала она меня к себе.

И каждый его жест — рука на её талии, лёгкий наклон, улыбка — только усиливает внутреннее напряжение.

— Рад знакомству, — произношу я ровно, но каждый нерв в моем теле кричит, что я должен быть рядом с ней, знать ее, держать ее. Мысленно уже обдумываю, как подойти ближе, как завоевать внимание.

- Лана, - произносит он тихо, но с оттенком владельческой уверенности, - не забудь представиться, когда к тебе подходят новые люди.

- Да, конечно... - выдавливают она, но ее глаза снова встречаются с моими. Простреливает. Круглов держит руку на ее талии, слегка прижимая, сдержанно, но показывая всем: она его.

Пока - отмечаю я.

Он гордится собой. Всегда так делает — владение, демонстрация, что всё под контролем. Но я вижу всё: её лёгкую растерянность, краснеющие щеки, невольный взгляд в мою сторону. И каждый такой момент как искра в сухой траве.

Смотрю на это и чувствую не просто раздражение - а сладкую потребность, которую не могу сдержать.

Мне хватает секунды, чтобы понять: я хочу ее.

Не познакомиться. Не поговорить. Не узнать имя.

Я хочу прижать ее к любой ближайшей поверхности - сейчас, сразу, без вступлений. Хочу, чтобы у нее сбилось дыхание, чтобы она перестала держать спину так ровно. Хочу проверить, сломается ли эта собранность под ладонями или окажется жестче, чем кажется.

Мысль грубая. Прямая. Я не отталкиваю ее.

— Остин Павлович, — говорю я спокойно, но с лёгкой дерзкой ноткой, — приятно видеть человека, который ценит красоту рядом с собой. Вы явно гордитесь тем, кто рядом.

Он улыбается, но сдержанно, будто проверяя меня.

— Разумеется, — отвечает этот, ближе прижимая ее. — Она моя. И я рад, что вы это заметили.

Я чувствую приятное напряжение, словно воздух между нами становится плотнее.

— Понимаю, — тихо говорю я, почти себе под нос. — Но интересно узнать, кто она, а не чья она.

Круглов приподнимает бровь.

— Алексей Андреевич, у каждого свой стиль. — Голос ровный, уверенный. — Но не сомневайтесь: она умна, внимательна, и я горжусь, что она рядом.

Я киваю, внешне спокойно. Внутри — буря. Моя агония смешивается с желанием, которое я ещё не понимаю полностью. Холодное владение снаружи — страсть внутри.

Я вижу, как она стоит, слегка скрестив руки. Её пальцы нервно играют с бокалом. Взгляд иногда скользит на меня. Я чувствую вкус победы ещё до того, как мы обмениваемся фразами.

— Остин Павлович, — говорю я ровно, — впечатляет. Все сделки проходят гладко?

— Да, — ответил он, не убирая руку с её талии. — Организация на высоте. Я как раз хотел подойти к вам, обсудить пару нюансов по договору...

Разговор нейтральный, формальный, о делах, но в каждом слове чувствуется скрытая игра. Он не замечает, что я вижу всё. Он не понимает, что я уже вычислил её реакцию, нюансы её жестов, как она дышит, когда его касание неожиданно.

Я удерживаю лицо спокойным. Власть в каждой клетке тела, каждая фраза ровная, как будто я обычный гость. Но сердце сжимается, дыхание учащается, внутренне я горю.

Я вижу, как её взгляд возвращается ко мне, хоть она старается этого не показывать. Я вижу в нём испуг и странную, почти непонятную тягу. И тогда я понимаю: нужно действовать.

Я медленно делаю шаг ближе.

— Я надеюсь, что вскоре у нас будет возможность поговорить в более спокойной обстановке, — говорю я, голос ровный, но с подчёркнутой серьёзностью.

Круглов напрягается, слегка улыбается, но не отвечает.

— Да, конечно, — говорит он, стараясь сохранить видимость контроля.

Я чувствую, что она замечает шаг. Её дыхание меняется, плечи чуть напрягаются. Мои исступление и желание переплетаются в единую линию: нужно быть рядом, нужно, чтобы она понимала — её никто не держит, кроме меня, если я этого захочу.

— Остин Павлович, — говорю я, слегка кивая, — держите меня в курсе, как идут дела.

— Обязательно, — отвечает он. И снова улыбка, попытка контроля, но уже не полностью.

— Было приятно познакомиться, Лана.

Слова простые, но в них нет пустоты - в них есть обещание, которое я сам себе еще не сформулировал. Я отмечаю тепло ее ладони, секунду лишнего контакта, то, как она чуть задерживает дыхание.

Лана улыбается не сразу. Сначала - короткая пауза. Потом поднимает глаза и ловит мой взгляд - прямо, без кокетства, но и без защиты.

— Приятного вечера.

— Взаимно, - тихо говорит Лана, и голос выходит ниже.

Она делает шаг назад, формально возвращаясь в свое пространство, но ощущение остается с ней.

Я возвращаюсь к своим партнёрам, продолжаю разговор, как будто ничего не произошло. Но внутри всё иначе. Я вижу её в каждом движении, каждом взгляде. Вся моя стратегия, весь мой план на ближайшие дни и недели начинает формироваться в этот момент: она должна быть моей.

Я не спешу. Спокойно, господствующе, наблюдаю. Но внутри — безумие, желание, которое почти физически ощущается, как ток, пробегающий через руки.

Я вижу её снова, когда Круглов уводит её взглядом от меня. Она пытается улыбнуться, кажется спокойной, но я знаю: внутри она уже думает обо мне. Маленькая искра, которую я зажёл одним взглядом.

Вечеринка продолжается, шум и смех вокруг — фон. Всё, что имеет значение — она. И я уже понимаю, что это только начало, что каждый шаг Круглова, каждый его жест будет лишь усиливать моё желание и подталкивать её ближе ко мне.

Я улыбаюсь самому себе. Спокойно, уверенно. Но внутри бушует безумие, которого я ещё никогда не испытывал.

Она будет моей.

Глава 3.

Алексей.

Я сижу в кресле у окна своего офиса и вижу город под собой, серый, ровный, привычный. Высота и стекло — единственное, что держит меня в стороне от хаоса людей, их слабостей и ошибок. Я научился выстраивать правила своей жизни давно. Каждый шаг, каждое решение, каждая встреча — не случайность, а выбор. Никто не влияет на меня, никто не заставляет, никто не владеет. Я беру сам. Я выбираю сам.

Я не верю в внезапные повороты.

Всё, что со мной случилось, было логичным продолжением предыдущего шага. Люди любят рассказывать про удачу, судьбу, случай. Так проще — снимает ответственность. Но если быть честным, я просто всегда знаю, чего хочу, и не позволяю себе отвлекаться.

Я вырос не в бедности, но и не в изобилии. У нас не было иллюзий — были правила. Делай своё дело. Не жалуйся. Не надейся на чужое. Отец рано научил меня считать не деньги, а последствия. Мать — молчать, когда молчание выгоднее слов. Эти уроки я усвоил быстро.

Я рано понял одну вещь: если ты хочешь влиять — ты должен быть сильнее. Умнее. Холоднее.

Не жестче — холоднее.

Учёба в университете была шагом, формальностью, чтобы открыть двери, которых я хотел. Юридическая школа, контракты, документы — всё это стало инструментом, не знанием ради знания.

Потом был первый бизнес — кривой, наивный, почти смешной. Я потерял тогда больше, чем заработал. Но это был полезный убыток. Он научил меня главному: эмоции — роскошь, которую нельзя себе позволять, если ты отвечаешь за результат. Я понимаю, что мир принадлежит тем, кто умеет видеть ходы и переставлять фигуры. С юности я живу по одному правилу: не оставляй других властвовать над тобой. И оно работает до сих пор.

Дальше всё пошло ровнее.

Сделки. Люди. Деньги. Чужие слабости, которые ты сначала видишь, потом используешь, а потом перестаёшь замечать.

Бизнес — это не просто деньги. Это власть, и я не играю по чужим правилам. Я строю, двигаю, контролирую. Я знаю, что люди делают ошибки, что они сдаются, что их слабости видны в каждом движении, в каждом взгляде. Я пользуюсь этим, потому что так устроен мир: либо ты властвуешь, либо тебя ведут.

И всё это, казалось бы, не оставляет места ни для чего другого. Ни для эмоций, ни для слабостей. Но она появилась. Лана.

Меня часто называют жёстким. Иногда — циничным. Я не спорю. Но я никогда не был нечестным. Я не обещаю того, чего не собираюсь делать. Не даю надежды просто так. И не вру себе, когда хочу чего-то по-настоящему.

С женщинами у меня всегда было просто. Не легко — просто.

Я не ишу любви. Любовь — это хаос. Она разрушает структуру. Я ишу присутствие. Тепло. Контакт. Иногда — привязанность. Но я никогда не делаю вид, что это навсегда. И никогда не удерживаю силой. Те, кто оставался, знали правила. Те, кто уходил, уходили без сцен.

Мне не нужны женщины, которые цепляются. И не интересны те, которые торгуются.

Поэтому, когда я увидел её впервые, меня зацепило не лицо. Красивых женщин много. Меня зацепило выражение. Сдержанное, собранное, будто она всё время держит себя в руках. Так держат себя люди, которые давно живут не так, как хотят.

Я видел её на вечеринке, слышал, как её смеются, чувствовал, как она движется, и всё в мире вдруг стало резче. Я не знал её имени в тот момент, но знаю одно: я хочу. Я хочу понять, как она реагирует, как чувствует, что скрывает, что позволяет себе и чего боится.

Когда я узнал, кто её мужчина, всё встало на свои места. Я знаю таких, как он. Скольких. Уверенных в своей безнаказанности. Они не держат — они пользуются. И больше всего боятся не потери, а разоблачения.

Она не знает, что я уже заметил. Она думает, что это обычная встреча, обычный вечер. Но я вижу каждую линию её плеча, каждое движение, каждую паузу дыхания. Я знаю, что она красива не только телом — она напряжённая, собранная, но уязвимая в тех местах, которые я пока не вижу. И мне это нравится. Не из порока. Не ради развлечения. Я хочу понять, как

она держит себя в руках, когда вокруг шумиха, когда мужчины рядом, когда жизнь требует улыбок и согласия.

Я не спешу, не тороплюсь, не показываю, что заметил её полностью. Это игра. Правило моей жизни: никогда не давай слишком много сразу. Но она уже вошла в моё пространство. Уже переместила все линии, уже потревожила порядок, который я так тщательно выстраивал.

Высокие окна выходят на вечерний город. Внизу — живая сетка огней, линии дорог, которые никогда не останавливаются. Стекло отражает меня размыто, будто я — всего лишь силуэт, часть интерьера, ещё один предмет в этом кабинете. Здесь всегда пахнет одинаково: дорогим деревом, кожей кресел и чем-то терпким, напоминающим табак. Я не курю. Запах просто въелся — годами разговоров, решений, подписей, после которых чьи-то жизни менялись навсегда.

Я сижу, откинувшись в кресле, пальцы сложены пирамидкой. Медленно покручиваюсь, почти лениво, но внутри всё напряжено. Воздух густой. Он меняется, и Савва это чувствует — он всегда чувствует.

Справа, за длинным переговорным столом, Савва Викторович Гринёв, моя правая рука, листает документы. Его движения точные, выверенные: щелчок папки, шорох бумаги, короткое постукивание пальцем по графику. Он сверяет цифры, но краем глаза следит за мной.

Перед глазами все еще стоит её взгляд. Чистый. Без просьбы, без расчёта. Тишина в глазах человека, которого слишком долго ломали, но так и не сломали до конца. Это раздражает. И притягивает.

Савва откашливается.

— Ты сегодня странный, — говорит он, не поднимая головы. — На встрече был рассеян. Сделку слушал вполуха. На тебя это не похоже.

Я усмехаюсь. Коротко. Он знает меня слишком хорошо, чтобы не заметить.

— Савва, — произношу спокойно, — я не хочу заключать сделку с Кругловым.

Пауза.

Он поднимает голову резко, будто я сказал что собираюсь поджечь собственный офис. Ставит локоть на стол, словно ему нужно опереться, удержать равновесие.

— Что?

— Ты слышал.

— Алексей... — он делает акцент на имени. — Это двадцать миллионов оборота в квартал. Сеть кафе, бары, фастфуд. Живые деньги. Ты сам курировал проверку. Мы к этому шли месяцы. Отказаться? Зачем?

Я не отвечаю сразу. Слова не спешат. Я не из тех, кто объясняет свои решения, но сейчас внутри есть странное желание назвать это вслух — хотя бы себе.

— Он мне не нравится.

Савва фыркает, почти смеётся.

— С каких пор тебе важно, кто тебе нравится? Мы что, теперь работаем по симпатиям?

Я поворачиваю голову и смотрю на него прямо. Без давления, без угроз — просто взгляд.

— Он грязный.

— Все в этом бизнесе грязные, — спокойно отвечает Савва. — Ты сам это знаешь.

— Не так, — я медленно подбираю слово. — Он скользкий. Кредиты, схемы, серые договорённости. И женщины. Он слишком многое прячет.

Савва пожимает плечами.

— Это не новость. Он готов подписывать всё, что мы предложили. Где риск?

Я выдыхаю через нос.

— Я хочу, чтобы он рухнул.

Теперь Савва смотрит внимательно. По-настоящему.

— Рухнул?

— Да.

Савва молчит несколько секунд.

— Алексей, мы не санитары бизнеса. И не полиция. Что он тебе сделал? Зачем тебе это? Я тебя не узнаю.

Я не отвечаю сразу. Потому что ответ слишком личный.

— Ситуация изменилась, — говорю вместо этого. — Я больше не хочу быть частью его будущего. Там слишком много мутного.

— Мутного? — Савва прищуривается. — Или личного?

Я не отрицаю и не подтверждаю.

— Неважно. Я принял решение. Сделку нужно обрушить - и быстро.

— Сейчас с ним работает Арсений —говорит он осторожно — Ты это помнишь?

Я киваю

— Именно поэтому я и говорю сейчас - продолжает Савва. - Арсений импульсивен. Он может пойти жестче, чем нужно. Если ты задумал что-то... аккуратное - он не лучший инструмент.

Я усмехаюсь краем губ.

— Арсений умеет нравиться, - говорю я. - А Круглову это важно. Он доверяет тем, кто говорит с ним на одном языке.

— Да, - соглашается Савва. - Но он может перегнуть. Ты хочешь сломать Круглова или просто отказаться от сделки?

— Я хочу, чтобы Круглов рухнул сам.

Тишина.

— Сам?, - переспрашивает Савва.

— Да. Чисто. Без давления. Без прямого вмешательства. Чтобы никто и никогда не связал это с нами. Чтобы ни одна проверка не указала в нашу сторону. Мы будем инициировать проверки. Не будем писать жалобы. Мы просто... уберем страховки.

— И дашь ему упасть, - медленно произносит Савва.

— Он и так стоит на краю, - отвечаю я. - Кредиты на кредитах. Аренда на честном слове. Поставщики на отсрочке. Достаточно престать его прикрывать.

— А Арсений? - уточняет он - Ты вписываешь его в этот план? Или он об этом не знает? Я думаю секунду.

— Он будет вести Круглова так, как вел до этого. Никаких резких движений. Никакого давления. Если он начнет играть жестко - ты остановишь.

—Он твой брат, Алексей.

— Именно поэтому ты и должен следить, - отвечаю я. - Он привык брать силой. Здесь нужна тишина.

Савва закрывает папку.

— Ты понимаешь, что если мы начнём раскачивать его бизнес, он может утянуть за собой партнёров? Налоговая, поставщики, аренда. Это шум.

— Не будет шума, — отрезаю я. — Мы ничего не инициируем. Мы просто не будем спасать. Уберём пару страховок. Дадим проверкам идти своим чередом. Он сам ошибётся.

— А если нет?

Я слегка наклоняюсь вперёд.

— Ошибётся. Такие всегда ошибаются.

Савва смотрит долго, тяжело.

— Ты действуешь импульсивно, — наконец говорит он. — И это меня пугает.

— Меня тоже, — честно отвечаю я. — Но решение принято.

— Значит, мы теряем сделку.

— Да.

— Теряем деньги.

— Да.

— И наживаем врагов.

— Возможно.

Пауза затягивается.

Я понимаю: сейчас мне не нужны ни цифры, ни победы, ни контроль рынка.

Я хочу женщину..

Савва встаёт, аккуратно убирает документы.

— Ладно, — говорит тихо. — Значит, будем ломать Круглова аккуратно..

Я киваю. В голове только одно, тяжёлое и ясное, как приговор:

Она не вернётся к нему. Никогда.

Я не позволю.

Глава 4

Лана

Дверь подъезда закрывается за мной мягко, почти бесшумно. Здесь всегда так — как будто дом умеет держать паузу. Поднимаюсь по лестнице пешком - лифт снова не работает. Я считаю пролёты, не потому что тяжело, а потому что так проще не думать. Каждый пролет - как маленькая отсрочка. Как будто если дольше идти, разговор сам собой отменится. Я аккуратная, собранная, будто еду не к матери, а на приём.

Подъезд пахнет старостью: влажной пылью, дешевым моющим средством, чьими-то котлетами и чужой жизнью. Здесь всегда так. Ничего не меняется, даже если ты давно отсюда ушла. Даже если тебе кажется, что ты стала другой.

Пакет режет ладонь, ручки впиваются в кожу, лекарства внутри перекатываются и глухо стучат друг о друга. Он тяжёлый, но не раздражает. Я знаю, что она будет довольна. Мама любит, когда всё «правильно»: нужные бренды, нужные коробочки, нужные врачи. Она любит порядок — во всём, кроме чувств.

Я останавливаюсь у знакомой двери, перевожу дыхание, поднимаю руку -и дверь открывается почти сразу, будто мать стоит за ней и ждет.

— Ты опять без звонка, — говорит Лидия Рябцева вместо «здравствуй».

Голос ровный, собранный, без радости. Не холодный - просто деловой.

- Я писала, - отвечаю и автоматически улыбаюсь.

- Писала - это не звонила.

Дверь распахивается, и меня встречает запах свежего кофе и дорогого кондиционера для белья. В квартире светло, просторно, слишком аккуратно. Новый диван. Белые стены. Картины в тонких рамах — те самые, которые Остин привёз из какой-то галереи «по дороге».

— Проходи, — мама уже идёт вглубь квартиры. — Ты поздно, я уже думала, вы не приедете.

«Вы» - автоматически отметила я.

- А Остин разве не приехал?

- У Остина дела. Он не смог приехать.

Мама кивнула так будто это было само собой разумеющееся. Остин всегда был занят, и это почему-то считалось его достоинством.

Я разуваюсь, ставлю пакет на консоль. Пол тёплый — подогрев. Всё здесь тёплое, выверенное, удобное. Я помню эту квартиру другой. Помню старые шкафы, потёртые ручки, сквозняки. Теперь здесь не дует. Теперь здесь можно жить.

— Я привезла таблетки, — говорю я. — Те, что кардиолог назначил. И витамины. И чай. Твой. С боярышником.

Мама заглядывает в пакет, проверяет - не потому что не доверяет, а потому что так надо. Контроль - ее язык любви.

— Положи на кухне, — кивает она. — Остин молодец, кстати. Перевёл вчера ещё. Сказал — пусть мама не экономит.

Я улыбаюсь. Улыбка получается ровной, как маска.

Кухня большая, светлая. Белый стол, кофемашина, фрукты в вазе. Чайник уже теплый - значит, правда ждала.

Мама разливает кофе, движения уверенные, спокойные. Она выглядит хорошо. Отдохнувшей. Загорелой — недавно вернулась с моря.

Я ставлю пакет на стол и подхожу к окну. Окно выходит во двор, где ничего не происходит: качели, песочница, припаркованные машины. Я смотрю туда дольше, чем нужно. И отвожу взгляд.

— Садись, — говорит она. — Ты какая-то бледная.

Я сажусь, кладу руки на колени. Здесь я всегда чувствую себя чуть меньше. Как будто мне снова восемь, и я пришла за разрешением.

- Хороший вечер был?, - спрашивает она между делом.

-Да, - отвечаю я - Благотворительный.

— Это хорошо, - сразу оживает мама. - Остин молодец, что такое посещает. Связи, репутация...Это все на вас потом отразится.

Я молчу. В этом доме это лучшая тактика.

На «вас». Не на «тебе».

— Он ведь о тебе заботится, - продолжает она. - Платье вон какое на тебе было. Дорогое. Видно, что не жалеет.

Я вспомнила это платье - тесное, неудобное, купленное без меня. Меня снова передергивает. Морщусь. Делаю глоток кофе. Горячий. Сразу обжигаюсь, но не перестаю пить. И ничего не говорю.

— Как ты? — спрашиваю.

— Нормально, — отвечает она легко. — Сердце шалит, но врач сказал — ничего критичного. Главное — не нервничать.

Она смотрит на меня внимательно. Проверяет.

— А как у вас?

Я делаю еще глоток кофе. Горький. Хороший.

— Тоже нормально.

— Нормально — это не ответ, — сразу отзывается она. — У Остина сейчас сложности, да?

— Нет, вроде все нормально.

— Вроде! Даже не интересуешься как обстоят дела у твоего мужчины. Что ты за «жена» такая? Мужчина в бизнесе без сложностей — не мужчина, — она улыбается. — Это временно. Он справится. Остин умный и деловой. Такие не пропадают.

Я киваю. Она всегда говорит об Остине с уверенностью. Как будто он — гарантия. Как будто он часть её системы безопасности. Внутри поднимается знакомое чувство - будто меня здесь нет. Есть только функция. Связка между «мужчина» и «семья»

— Ты его поддерживаешь? — спрашивает она.

— Конечно. Я ведь рядом.

— Рядом - это мало, — сразу реагирует мама. — Мужчину нужно вдохновлять. Успокаивать. Не дергать. Не капризничать. Это важно. Сейчас особенно. Мужчине нужен тыл.

Слово знакомое. Я слышу его с детства.

В детстве я была тихой. Удобной. Я рано поняла, что плакать — не вариант. Лучше быть хорошей. Лучше не мешать. Мама всегда это ценила.

— Ты похудела, — вдруг говорит она. — Он тебя совсем не кормит?

— Мам...

— Что «мам»? — она пожимает плечами. — Женщина должна быть в теле. А ты.. - мама останавливается, оценивает - Одни глаза остались. Ты должна следить за собой. Такая женщина, как ты... — она делает паузу, будто выбирает формулировку. — Ты его лицо.

Я опускаю взгляд. Кофе остывает.

— Лана, — мама вдруг становится серьёзной. — Сколько вы уже вместе?

Я напрягаюсь.

— Достаточно.

— Достаточно для чего? - она наклоняется бдиге, - Для того, чтобы тянуть кота за хвост? Или для того, чтобы уже что-то решать? Мне кажется странным, что он до сих пор не сделал тебе предложение.

Я чувствую, как внутри что-то сжимается. Старое, знакомое.

— Мы не торопимся.

— Ты не торопишься, — поправляет она. — Он — просто не спешит. Это разные вещи.

Я молчу.

— Я не обвиняю его, — сразу добавляет мама. — Наоборот. Он многое для тебя сделал. Для меня тоже. Но ты должна понимать... после всего... тебе нужно стараться.

Слово «после» повисает в воздухе. Оно всегда звучит одинаково — без уточнений, но с весом.

Я чувствую, как ладони холодеют.

— Мам, — говорю тихо.

— Я не упрекаю, — она качает головой. — Я напоминаю. Не каждый мужчина принял бы это так спокойно. Остин — принял.

Перед глазами на секунду вспыхивает больничный свет. Запах антисептика. Чужие руки. Резкое, животное ощущение пустоты внутри. Я моргаю, отгоняя.

— Ты должна быть благодарной, — продолжает мама. — И мягче. Мужчины чувствуют, когда женщина начинает требовать.

— Я не требую.

— После того, что ты натворила... тебе вообще надо стараться вдвойне.

Я задерживаю дыхание. Слово режет. «Натворила». чувствую, как холод поднимается откуда-то изнутри.

— Ты была ребенком и сделала глупость. А теперь живешь с последствиями. Мужчине сложно решиться, когда у женщины... такие моменты.

Я закрываю глаза на секунду. Только на секунду.

— Ты понимаешь, что тебе теперь надо быть идеальной? - продолжает мама - Терпеливой. Мягкой. Благодарной. Я никуда не денусь. А мужчина — может. Особенно если чувствует, что его не ценят.

Я смотрю на неё и вдруг понимаю: она правда верит, что защищает меня. Что делает мне лучше. В груди — тяжесть. Не обида. Не злость. Давление.

Я киваю. Киваю не потому, что согласна, а потому что это самый быстрый способ закончить.

Мама поднимается, идет к окну, привычно прижимает ладонь к груди. Я мгновенно напрягаюсь.

— Сердце?

— Прошло, - отмахивается мама - Давление.

Но я уже тянусь к сумке, проверяю таблетки.

— Ты принимаешь все, как врач сказал?

— Принимаю, - раздраженно. - не делай из меня развалину. Ох и доведёшь ты меня, Лана. За тебя ведь переживаю.

Она садится обратно, но дыхание все еще неровное. Я это вижу. И страх поднимается мгновенно - тихий, липкий.

— Тебе нужно обследование, - говорю я. - Нормальное. Не в поликлинике.

— Деньги у тебя откуда? - усмехается мама. - Или Остин оплатит?

Я молчу.

— Вот именно, - мать смотрит на меня внимательно. - Так что думай, Ланочка. Женщина должна быть умной. Иногда - терпеливой. Иногда - стараться больше.

Я чувствую, как внутри что-то глухо опускается. Как будто меня снова уменьшают, сжимают до нужного формата. Я снова не женщина, а маленькая чья-то дочь, которая должна.

— Я останусь на ночь, - говорю я вдруг.

Мама поднимает брови.

— Зачем?, - сразу настораживается. - А Остин?

— Он справится.

— Мужчина не должен быть один, - резко говорит мама, - Особенно сейчас. У него может быть стресс. Ты что, не понимаешь?

Я поднимаю на нее взгляд.

— Я давно его не видела, - добавляет мама мягче. - Жаль, что Остин не смог приехать. Но я знаю, какой он. Такой мужчина....за него держаться надо.

Она подходит, начинает убирать со стола, как будто разговор уже закончен.

— Поезжай домой, - говорит мама. - Не делай глупостей. Он должен видеть, что ты рядом. Что ты - его тыл.

Внутри поднимается усталость. Не злость. Не обида. Именно усталость.

— Таблетки на столе, — говорю я. — Принимай, как врач сказал.

— Конечно, — она кивает. — И скажи Остину спасибо. От меня.

Я беру сумку. На секунду задерживаюсь у двери.

— Мам, — говорю.

— М?

Я хочу сказать многое. Про усталость. Про страх. Про то, что мне иногда кажется, что я исчезаю. Но вместо этого:

— Я заеду на неделе.

— Заезжай, — улыбается она. — Только не забывай, где твой дом.

Дверь закрывается за мной мягко. В подъезде тихо.

Я спускаюсь вниз и чувствую странное облегчение. И странную вину — сразу. Мысли путаются. Остин. Мама. Слова. Обязанности. Все сплетается в один плотный узел.

Мама не спросила счастлива ли я.

Она спросила удобна ли я.

На улице прохладно. Я делаю вдох, медленный, глубокий. Где-то внутри снова отзывается та пустота — старая, зашита, но живая.

Как же легко можно быть «правильной».

И как сложно — быть собой.

Глава 5.

Лана

На сковороде все шипит. Кофе уже давно готово. Я заканчиваю последние приготовления завтрака для моего любимого и единственного мужчины. Светлая кухня, приоткрытое окно,

чашка ароматного кофе, тарелка, белоснежная салфетка, еще немного фруктов, желательно нарезанных дольками. Все готово для встречи дня. Ах, еще хлеб чуть не забыла.

День чудесный. От приоткрытого окна веет свежим прохладным воздухом. Надо открыть все окна, когда уйду.

На кухне появляется Остин, уже собранный, готовый покорять грядущий день. Мы приветствуем друг друга. Обмениваемся утренними любезностями. Идеальная картинка. Остин садится завтракать, а я еще раздумываю поесть мне перед пробежкой или сделать это потом. Я легко встаю рано, да и привыкла. Так что завтрак в такое время не вызовет тяжесть в животе. Но как потом с полным желудком бежать? Это уже будет тяжело. Хотя если не поем - не будет сил. Я так и не решаю.

Мы сидим вместе. Я собранная, приветливая. Вчерашний разговор с мамой лежит немного на поверхности памяти. Я уже привыкла к таким высказываниям и особо на них внимания не обращаю. Но каждый раз выслушиваю как в первый и затем надолго еще остаётся привкус горечи.

Я спрашиваю когда Остин вернется домой, что ему приготовить на ужин. Он отвечает. Затем, когда заканчивает завтракать, иду его провожать.

Остин уходит на работу, а я остаюсь одна в этой «этлитной» просторной квартире до самого вечера. На фоне звучит телевизор. Девушка в классическом костюме обещает теплую погоду и ясный день. Отлично. Мне это как раз подходит. Хотя я все равно собиралась проветриться, если бы только на улице не было ливня. Только сильный дождь смог бы удержать меня от моего любимого хобби - бега.

Иду на кухню, убираю со стола. Ставлю грязную посуду в посудомойку. Все-таки решаюсь немного перекусить фруктами. А то и правда сил не будет. Что-то в последнее время у меня опять приходят «приливы» и немного кружится голова. Может стоит сходить к врачу. Давно я его не посещала. Хотя и так знаю что принимать.

Я вышла на пробежку не спеша позже обычного - солнце уже поднялось и город начинает шевелиться. Сделала растяжку, включила музыку, но почти сразу сняла наушники. Утро слишком тихое, чтобы прятаться в звуках.

Я бежала по набережной, считая шаги, дыхание, удары сердца. Бегу быстро, почти зло. Это был единственный способ привести мысли в порядок: тело работало — голова отставала. Хочется выбить из себя остатки вчерашнего разговора. Это удавалось плохо.

Я делаю пару кругов, стараясь не думать ни о чем.

Я не сразу замечаю его.

Он появляется сбоку, будто был здесь всегда. Ровный темп, спокойная спина, дыхание почти незаметное. Я узнаю его не по лицу — по ощущению. По тому же странному давлению, которое почувствовала на вечеринке, когда он смотрел на меня слишком прямо.

Алексей Андреевич Воронов.

Он в спортивной куртке, расслабленный, будто мы знакомы сто лет.

Я сразу чувствую разницу: я бегу, чтобы сбежать от мыслей, а он - потому что может.

Он смотрит на меня. Не украдкой. Не вскользь. Так смотрят на вещь, которую уже заметили и мысленно отметили как свою.

От этого взгляда внутри неприятно стягивает. Не отвращение - именно страх. Холодный, тихий, внимательный страх.

Мы бежим рядом несколько секунд молча.

— Доброе утро, — говорит он наконец, не сбавляя шага. Голос спокойный. Слишком спокойный для утра.

— Доброе, — отвечаю я, стараясь не сбиваться с темпа.

Мы бежим рядом. Слишком близко. Я чувствую его присутствие почти физически - как давление воздуха, как чужое тело. Он не касается меня, но я все время думаю - что если.

- Не мешаю? - спрашивает он, кивая на дорожку.

-Нет, - отвечаю я после паузы - Можем... вместе.

Слово «вместе» прозвучало неожиданно даже для меня.

— Не ожидал встретить тебя здесь, — продолжает он. — Обычно такие вечера заканчиваются иначе.

— Я бегаю почти каждое утро, — говорю я. — Это... помогает.

— Понимаю.

Он не спрашивает, от чего. И это облегчает мое состояние.

Мы бежим дальше. Темп совпадает сам собой — ни он не подстраивается, ни я. Это редкое чувство: не быть ведомой и не вести.

— Ты давно бегаешь? — спрашивает он.

— Несколько лет. С перерывами. Иногда бросаю, потом возвращаюсь.

— Значит, умеешь возвращаться, — говорит Алексей Андреевич.

Фраза нейтральная, но как будто про что-то большее. Я не уточняю.

Он снова смотрит. И это взгляд не про спорт. Он скользит по мне медленно, без стеснения, будто имеет на это право. Как это возмутительно. Я инстинктивно выпрямляю спину, ускоряюсь.

— А ты? — спрашиваю я.

— Привычка. Помогает думать.

— Или не думать, — предполагаю я.

Он усмехается.

— Скорее второе.

Алексей Андреевич улыбается - впервые по-настоящему. И от этой улыбки становится чуть легче. Но не безопаснее.

Мы сворачиваем к парку. Воздух холодный, резкий, но приятный. Я чувствую, как тело включается, как мышцы берут на себя всё лишнее.

— Ты выглядела не очень счастливой, — говорит он неожиданно.

Я чуть сбиваюсь с дыхания, но быстро восстанавливаюсь.

— А должна была?

— Обычно люди стараются, — отвечает он. — Особенно на таких мероприятиях.

— Я старалась, — говорю я. — Наверное, не очень получилось.

— Такие, как ты, либо прячутся под одеялом, либо бегут. Ты не похожа на тех, кто прячется.

Мне хочется возразить. Сказать, что он ничего обо мне не знает. Но слова застревают. Зачем я вообще что-то ему сказала. Его это совсем не касается.

Алексей Андреевич не продолжает. И я за это благодарна.

Мы останавливаемся почти одновременно. Я наклоняюсь, опираюсь руками о колени, делая глубокие вдохи. Он стоит рядом, выпрямленный, будто и не бежал вовсе.

Я чувствую, как напряжение растёт - не между нами. А во мне. Он слишком уверенный, слишком спокойный, слишком... сильный. Рядом с ним я остро осознаю свою уязвимость.

Алексей Андреевич протягивает бутылку воды.

— Возьми.

— Спасибо.

Наши пальцы не секунду соприкасаются - по коже тут же пробегает ток. Он кажется, замечает. Но виду не подает.

— Ты всегда так смотришь на людей? — спрашиваю я, не выдержав.

— Как?

— Будто оцениваешь.

— Я и оцениваю, — отвечает он честно. — Это привычка.

— И что ты сейчас оцениваешь? — спрашиваю я, сама не понимаю зачем.

Алексей Андреевич молчит пару секунд. Прожигает меня своим цепким взглядом. Хочется съёжиться и одёрнуться. Но соблюдаю хладнокровие и остаюсь неподвижно.

— Выносливость. Характер. И то, как ты врёшь самой себе.

Я выпрямляюсь по струнке резко.

— Я не вру, — говорю я.

Он смотрит на меня сверху вниз. Спокойно. Властно. Без злости.

— Все врут, — говорит он. — Вопрос — зачем.

Молчание между нами тяжёлое, но странно... честное. Его взгляд становится глубже.

— Ты пугаешь, — говорю я тихо.

— Ладно, — говорит он через секунду. — Не буду тебя пугать. Я вообще-то умею дружить.

— Слабо верится, — отвечаю я честно.

— Зря, — говорит он. — Дружба — самая удобная форма доверия.

Не знаю мне стоит засмеяться или насторожиться. Но странным образом рядом с ним... спокойно.

— Спасибо за компанию, — говорю я, выпрямляясь.

— Взаимно. Ты бегаешь красиво. Упрямо.

— Это комплимент?

Несколько секунд мы просто стоим. Без неловкости, но и без близости.

У Алексея Андреевича раздаётся телефонный звонок. Он тянется к карману и берет трубку.

— Да, Арсений. — отвечает он, при этом продолжая прожигать меня своим внимательным взглядом. Меня он обжигает, становится душно, неудобно, хочется сжаться, но в тоже время я не могу пошевелиться и отстраниться самой.

— Хорошо. — заканчивает Алексей Андреевич и кладет телефон обратно в карман. — Ты живёшь неподалёку? — спрашивает он.

— Да.

— Тогда, возможно, ещё увидимся.

Это не звучит как приглашение. Скорее как констатация.

Я киваю.

— Возможно.

Алексей Андреевич делает шаг назад, давая мне пространство. Это неожиданно. Он может не отпускать — я это чувствую. Но он отпускает.

Мы расходимся в разные стороны. Я иду медленно, чувствуя, как внутри все дрожит — не от страха уже, а от странного возбуждённого напряжения. Как будто кто-то чуть сдвинул мебель в комнате, и теперь пространство стало другим.

Это не было флиртом. Было ощущение, что рядом со мной оказался человек, который не хотел меня использовать прямо сейчас. Он смотрел на меня так, будто я уже вошла в его игру.

И это почему-то кажется самым тревожным.

Я дохожу до дома, поднимаюсь на лифте, вхожу в квартиру. Всё на своих местах. Слишком на своих. Я смотрю на своё отражение в зеркале — взмокшая, растрёпанная, живая.

Стою в душе, стараюсь привести себя в порядок. Внутри все еще трепещет. Алексей Андреевич как будто все еще находится рядом со мной. Его шлейф дотянулся до этого душа и до сих пор окутывает меня со всех сторон. Так что я невольно прикрываюсь и стараюсь сжаться, будто я не одна и на меня смотрят.

Остаток дня я провожу как и полагается примерной жене-домохозяйке. Особо у нас убираться нечего, так что я управляюсь за полчаса. Смотрю фильм и готовлюсь к ужину.

Остин приходит позже обычного, но не злой. Это я чувствую сразу — по шагам в коридоре, по тому, как он не хлопает дверью. Я снимаю фартук, поправляю волосы, хотя знаю — он и так скажет, что я красивая.

— Я дома, — говорит Остин.

— Я слышу, — улыбаюсь я и выхожу к нему.

Он целует меня в щёку, коротко, по-хозяйски, но тепло. От него пахнет холодным воздухом и дорогим парфюмом. Пиджак бросает на спинку стула, ослабляет галстук.

— Пахнет вкусно.

— Я старалась.

Это правда. Я люблю готовить, когда он в хорошем настроении. Когда между нами нет напряжения, я будто возвращаю себе право быть нежной, не выслуживаться.

Мы ужинаем на кухне. Свет тёплый, лампа над столом делает всё немного мягче. Он ест с аппетитом, рассказывает о дне — коротко, без деталей, но без раздражения.

— Сегодня всё прошло отлично, — говорит он. — Даже неожиданно.

Я киваю.

— Значит, можно выдохнуть?

— Пока да, — усмехается он. — Хотя ты же знаешь: в бизнесе выдыхают только идиоты. Я улыбаюсь. Эта фраза звучала у нас не раз.

Он откладывает вилку, смотрит на меня внимательнее обычного.

— Кстати, — говорит он, будто между делом. — Я тут подумал... тебе же неудобно всё время на такси.

Я напрягаюсь — не тревожно, а настороженно. Он редко начинает такие разговоры просто так.

— Я решил купить тебе машину.

Слова доходят не сразу.

— Что? — переспрашиваю я.

— Машину, — повторяет он спокойно. — Завтра поедem смотреть. Хочу, чтобы ты сама выбрала.

Я чувствую, как внутри что-то вспыхивает — радость, почти детская.

— Остин... — я смеюсь. — Это... правда?

— А ты думала, я шучу? — он улыбается. — Ты заслужила.

Я тянусь к нему, целую в губы. Он отвечает, крепче, чем обычно. На секунду мне кажется, что всё действительно хорошо. Что мы — пара. Что я не зря терпела, ждала, подстраивалась.

Телефон на столе вибрирует. Мы оба смотрим на экран. Остин хмурится.

— Странно, — говорит он. — Так поздно...

Он берёт телефон, отходит к окну. Я продолжаю убирать со стола, но ловлю каждое слово.

— Да... — говорит он. — Что значит «не готовы продолжать»?

Пауза.

— Подожди, — его голос становится жёстче. — Это шутка?

Я замираю с тарелкой в руках.

— Какая позиция? — Остин повышает голос. — Мы же всё согласовали.

Я чувствую, как радость внутри начинает остывать.

— Кто сказал? — он делает паузу. — Арсений?

Имя режет слух. Я поднимаю голову.

— Арсений Воронов? — уточняет Остин. — Младший?

Я медленно ставлю тарелку в раковину.

— Передай ему, — продолжает Остин, — что так дела не делают. Пусть его брат сам со мной говорит.

Он сбрасывает звонок резким движением.

Некоторое время в кухне тихо. Я слышу только тиканье часов.

— Что-то случилось? — спрашиваю я осторожно.

Остин проводит рукой по лицу, как будто стирает усталость.

— «Воронов Групп» выходит из сделки, — говорит он. — Пока без официальных бумаг.

Просто... меняют позицию.

— Это плохо?

Он пожимает плечами.

— Ничего хорошего.

Он говорит спокойно, но я вижу: челюсть напряжена, взгляд стал холоднее.

— Они же... крупные? — спрашиваю я.

— Более чем, — коротко отвечает он. — Особенно Алексей Воронов.

Имя отзывается внутри странным эхом.

— А Арсений... — я запинаюсь. — Он кто?

Остин смотрит на меня.

— Младший брат. Сейчас от его лица ведут часть сделок. Импульсивный. Думает, что может играть во взрослые игры.

Он усмехается, но без веселья.

— Алексей бы так резко не стал.

Я киваю, хотя внутри всё сжимается. Я вспоминаю утреннюю пробежку, взгляды, тишину между словами. Вспоминаю имя — Алексей. И меня снова окутывает волнение.

— Это решаемо? — спрашиваю я.

— Конечно, — он подходит ближе, кладёт руку мне на талию. — просто небольшое недопонимание. Не бери в голову. Завтра едем посмотреть тебе машину.

Я улыбаюсь, прижимаюсь к нему. Снаружи всё выглядит правильно.

Но где-то глубоко внутри остаётся странное ощущение — будто в спокойную воду только что упал камень. Небольшой. Почти незаметный.

И почему-то имя Арсений не хочет выходить из головы.

Глава 6

Лана

День начинается без спешки, но с тем особым напряжением, которое появляется, когда внешне всё спокойно. Я выхожу из подъезда, ловлю на лице холодный воздух, шуюсь от солнца. Город живёт своей обычной жизнью, и это почему-то раздражает — будто он не в курсе, что у меня внутри всё на паузе.

Машины нет. Пока нет. Я иду пешком до торгового центра, где в мастерской оставила кроссовки — мои, беговые. Подошва стёрлась, и Остин, хмурясь, сказал, что купит новые. Я настояла на ремонте. Не из упрямства — просто они «мои». Я в них убегая от мыслей, от разговоров, от себя.

Внутри торгового центра тепло, пахнет кофе и пластиком. Мастерская на втором этаже, маленькая, узкая. Мужчина за стойкой узнаёт меня, кивает, достаёт пакет.

— Готово. Усилили пятку, — говорит он. — Ещё побегают.

Я улыбаюсь — искренне. Это редкость.

— Спасибо.

Пакет лёгкий, но ощущается как что-то важное. Я выхожу обратно в общий зал, и в этот момент мне почти под ноги выскакивает девушка — яркая, в жёлтой куртке, с хвостом и слишком живыми глазами.

— Добрый день! — говорит она слишком бодро. — Благотворительный забег, в поддержку кардиохирургии. Может, вам интересно?

Листовка уже у меня в руках, я даже не успеваю отказаться.

Я смотрю. Фото — люди в майках, номерки, движение, солнце. Название города — соседний. Не наш. Чуть дальше, чем «по пути».

— Это... марафон? — спрашиваю я.

— Полумарафон и дистанции покороче, — улыбается она. — Можно выбрать. В эту субботу.

Я чувствую странный укол — не в теле, где-то глубже. Я уже видела это. Эта реклама мелькала у меня в ленте, между чужими завтраками и мотивационными цитатами. Тогда я пролистала. Сейчас не получается.

— Спасибо, — говорю я и делаю шаг в сторону.

— Регистрация онлайн! — бросает она мне вслед.

Я киваю, снова благодарю и ухожу, сжимая листовку пальцами. Она шуршит — раздражающе громко, будто хочет, чтобы я её прочла.

На улице я останавливаюсь. Люди проходят мимо, кто-то смеётся, кто-то ругается по телефону. Я разворачиваю бумагу.

Благотворительный забег. В поддержку операций на сердце.

Смешно.

Я думаю о маме — не напрямую, а как о фоне. О её словах, о том, как легко она говорит «будь благодарной», «старайся», «это твой дом». Думаю о том, как давно я не делала ничего просто потому, что хочу.

Соседний город — это проблема. Машины у меня нет. Одной — тоже странно. Я представляю, как говорю Остину: я поеду на марафон. Вижу его взгляд. Сначала недоумение, потом раздражение, потом: сейчас не время.

Я убираю листовку в сумку, будто прячу что-то запретное.

Беру такси до моего любимого фитнес-клуба. В машине достаю телефон, открываю соц-сети — и, конечно, реклама всплывает снова, как будто ждала.

Я смотрю на экран дольше, чем нужно.

Суббота.

Это почти вечность и одновременно — ничего.

Я захожу на страницу забега, листаю фото прошлых лет. Люди после финиша — потные, счастливые, живые. Мне хочется туда не из-за спорта. Мне хочется в это состояние — когда тело громче мыслей.

Телефон вибрирует. Сообщение от Остина:

«Освобожусь пораньше. Поедем смотреть машины. Выбирай, что нравится.»

Я улыбаюсь автоматически. Пальцы сами набирают:

«Хорошо.»

Откладываю телефон и снова смотрю на кроссовки. Достаю их из пакета, провожу пальцами по шву. Они пахнут клеем и чем-то родным.

Мне вдруг становится ясно: если я сейчас не зацеплюсь хоть за что-то своё, я снова растворяюсь. Не исчезну — именно растворюсь, тихо и незаметно.

Я закрываю страницу марафона. Потом открываю снова.

Регистрация ещё открыта.

Я не нажимаю кнопку. Пока нет.

Но листовка остаётся лежать в моей сумочке.

Я захожу в фитнес-клуб через стеклянные двери, и сразу становится легче дышать. Сюда я хожу уже пятый год. Здесь всегда пахнет металлом, чистотой и чужой работой над собой. Музыка негромкая, ритмичная — не мешает, а держит темп. Я переодеваюсь быстро, привычно, завязываю волосы, проверяю шнурки. Кроссовки сидят плотно, как будто ничего и не ломалось.

Беговая дорожка встречает ровным, послушным движением. Я начинаю медленно, даю телу время вспомнить ритм. Мысли сначала лезут — Остин, разговор, звонок, имя Арсений — но через несколько минут всё это начинает отставать, как ненужный багаж. Остаётся дыхание, шаг, лёгкое жжение в мышцах.

Я увеличиваю скорость. Сердце бьётся уверенно, ровно. В такие моменты я чувствую себя почти свободной. Не счастливой — это слишком громкое слово. Просто собой.

— Хороший темп, — слышу сбоку.

Я поворачиваю голову. Она стоит рядом с дорожкой — хозяйка клуба, Марина. Невысокая, подтянутая, в простой чёрной форме, с тем самым взглядом человека, который любит своё дело.

— Спасибо, — говорю я, не сбавляя шаг.

— Ты сегодня злая, — усмехается она. — Значит, хорошо побежишь.

Я хмыкаю.

— Я всегда злая.

— Нет, — качает она головой. — Ты сегодня сосредоточенная.

Она права. Я чувствую это сама. Я бегу долго, больше обычного, выжимаю из себя всё, что можно. Когда схожу с дорожки, ноги дрожат приятно, тело горячее, голова пустая.

Мы встречаемся в зоне растяжки. Она садится рядом, тянет икры, говорит о каких-то бытовых мелочах — о поставщиках, о ремонте в зале, о том, что опять не хватает времени.

— Ты сегодня хорошо поработала, — говорит она. — Чай будешь?

Я киваю.

Мы уже делали так раньше. Несколько раз. Ничего особенного — просто чашка чая в маленьком кабинете за ресепшеном, разговоры ни о чём и обо всём. Иногда — о беге. Она любит его так же, как я, только у неё вечная нехватка времени.

Очень редко мы встречаемся в каком-либо кафе, еще реже бегаем вместе. Мы живем в разных районах города, поэтому бегали вместе буквально четыре раза. На сегодняшний день она моя единственная подруга. Их у меня было много, но после того как я познакомилась с Остиным все они по одной ушли в прошлое. Все мое внимание было только на нем.

Может попросить Марину съездить на марафон? А что? Мы как-то делали это однажды. Но это было давно, когда я только стала ходить в этот клуб. Так мы и стали дружить.

— Слушай, Марина, — говорю я, уже на выходе, когда подхожу попрощаться. — Мне сегодня дали листовку с приглашением на марафон. — протягиваю ей листовку

Она поднимает брови.

— В соседнем городе?

— Да.

— Ты хочешь?

Я киваю. Слишком быстро.

— Думаю... да.

Она смотрит на меня внимательно, оценивающе.

— Ты готова.

Эти слова отзываются внутри странным теплом.

Я колеблюсь секунду, потом решаюсь.

— Может... ты со мной? — спрашиваю я. — Было бы проще. И веселее.

Она улыбается, но в этой улыбке сразу появляется сожаление.

— Лан, — вздыхает она. — Я бы с радостью. Правда. Но у меня не получится. Ни по времени, ни по обстоятельствам.

— Понимаю, — говорю я слишком быстро.

— Не обижайся, — добавляет она. — Иди одна. Иногда это даже лучше.

Я киваю. Улыбаюсь. Но внутри всё равно что-то проседает.

Мы прощаемся, и я выхожу на улицу. Вечер уже близко, воздух плотный, прохладный. Я достаю телефон, снова открываю страницу марафона. Смотрю на дату, на дистанцию.

Одна.

Это слово крутится в голове. Я закрываю экран, убираю телефон в карман и иду дальше, чувствуя, как шаги становятся ровнее.

Может стоит все же попросить Остину? Это выходной. Хозяин, имеет право взять выходной по своему желанию. Не настолько же он загружен работой. Мы давно никуда не ездили вместе.

Я выхожу из клуба и останавливаюсь на пороге.

Пока я была внутри, город будто перевернули. Асфальт тёмный, блестящий, лужи — как зеркала, в которых дрожат огни фонарей. Воздух тяжёлый, влажный, пахнет дождём и разогретым бетоном. Я смотрю вниз и мысленно ругаюсь — замшевые туфли. Светлые. Совершенно не для этого вечера.

Я делаю шаг, потом ещё один, выбирая путь между лужами, как по минному полю. Смешно — взрослая женщина, а стоит и думает о туфлях, будто от них что-то зависит. Но зависит. От них, от настроения, от ощущения себя.

Машина останавливается слишком близко, чтобы это было случайно. Я поднимаю голову — и узнаю его сразу, даже не по лицу. По ощущению. По тому, как воздух вокруг вдруг становится плотнее.

Алексей.

Он сидит за рулем спокойно, уверенно, будто знал, что я выйду именно сейчас. Стекло опускается плавно.

— Промокнешь, — говорит спокойно, будто мы виделись сегодня утром. — Подвезти?

Я колеблюсь. Секунду. Две.

В голове сразу несколько «не надо», но взгляд снова падает на лужи, на замшу, на то, как тонкая вода уже подбирается к краю тротуара.

Он не улыбается широко, не заигрывает. Просто смотрит. Внимательно. Его взгляд не скользит - он задерживается, и от этого становится жарко, несмотря на прохладу после дождя.

— Я недалеко, — говорю я.

— В такую погоду «недалеко» — понятие растяжимое, — отвечает он и улыбается краем губ. - Садись. Я не кусаюсь.

Я всё ещё стою. Он не торопит. Не выходит из машины. Просто ждёт, и это почему-то действует сильнее, чем уговоры.

Я снова смотрю на лужи. Потом - на машину. Потом - на него.

— Хорошо, — наконец говорю я. — Только до автосалона.

— Садись.

Внутри сухо, тепло, пахнет кожей и чем-то ненавязчиво дорогим. Я пристёгиваюсь, называю адрес, стараясь не думать о том, как близко он сидит.

— Тебе ведь по пути? - переживаю я.

Алексей кивает, мол «конечно». Но вижу, что врет.

Мерседес трогается плавно.

Кожа сидений гладкая, прохладная, но быстро нагревается под телом. Первые минуты мы молчим. Я чувствую напряжение в плечах, в животе, будто тело знает что-то раньше меня. Я чувствую его присутствие почти физически, как если бы он сидел слишком близко.

— Хорошо тренируешься, - говорит Алексей первым. - Видно по походке.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты следил? - сама немного краснею от такой наглости.

— Заметил, - поправляет он. - Разница есть.

Я хмыкаю.

— Это опять комплимент?.

— Констатация факта.

Он говорит спокойно, уверенно и в этом нет ни тени сомнений. Я ловлю себя на том, что расслабляюсь. Постепенно голос перестаёт дрожать, плечи опускаются, дыхание выравнивается.

— Ты часто..подводишь незнакомых женщин?

Алексей бросает на меня короткий взгляд - цепкий.

— Ну почему же незнакомых? Мне кажется мы уже достаточно дружны.

— Мы дружим?

— Конечно.

Алексей добр. Спокоен. И всё равно его взгляд — я чувствую его кожей. Он смотрит так, будто запоминает. Будто примеряет.

Его голос ровный, низкий, он не давит, но заполняет пространство. Я слушаю и невольно рассматриваю его: сильные руки на руле, четкая линия челюсти, спокойная сосредоточенность. Он выглядит человеком, который привык решать. И привык, что ему позволяют.

Рядом с ним сложно быть просто фоном.

Алексей замечает листовку у меня в руках.

— Благотворительный марафон? — спрашивает он, мельком бросив взгляд. — Собираешься?

Я вздрагиваю.

— Нет... — говорю слишком быстро.

— Ты раньше участвовала в таких марафонах?

— Раньше бегала. Лет пять назад.

— А сейчас?

— Сейчас... не знаю. Не было возможности. У нас в городе такого не проводят. Одной ехать неловко. Да и город другой.

Он кивает, будто ожидал этого ответа.

— А ты?, - спрашиваю я.

— Я иногда участвую, — говорит между прочим. — Если передумаешь — могу сопроводить.

Я поворачиваюсь к нему.

— Нет, — мягко, но сразу. — Это... перебор.

Он принимает отказ спокойно. Даже слишком.

Машина останавливается у автосалона. Я тянусь к ручке двери.

— Лана, — говорит он, и я оборачиваюсь. Алексей протягивает визитку. — Если вдруг передумаешь. Позвони мне.

Я беру. Просто чтобы не обидеть. Наши пальцы на секунду соприкасаются, и этого хватает, чтобы внутри всё отозвалось горячей волной..

— Спасибо, — говорю я и пытаюсь улыбнуться. Выходит неловко.

— Береги туфли, — усмехается он.

Я выхожу, закрываю дверь. Мерседес уезжает почти сразу.

Я стою под навесом, смотрю вслед, чувствуя, как дождь снова начинает капать. В ладони — его визитка. Тёплая. Ненужная.

Я убираю её в сумку и иду внутрь, стараясь не думать о том, как легко сегодня позволила себе больше, чем собиралась.

В автосалоне свет слишком яркий, ровный, будто здесь никогда не бывает вечера. Остин уже здесь — стоит у стойки, говорит по телефону, жестикулирует свободной рукой. Когда видит меня, кивает, прикрывает микрофон.

— Да, давай позже, — говорит в трубку и сбрасывает. — Ну что, бегунья, выберем тебе колёса?

Я улыбаюсь. Чуть шире, чем обычно. Он сегодня в хорошем настроении — значит, день ещё не испорчен.

— Похоже на праздник, - говорю я.

— Так и есть, - он подмигивает. - Ты заслужила.

Мы ходим между машинами, трогаем ручки, открываем двери. Он рассуждает вслух много, будто читает лекцию: расход, надежность, ликвидность при перепродаже. Я слушаю. Мне нравится, как он говорит «твоя», будто это уже решено. Хочу быть рядом, включенной.

— Эта тебе пойдёт, — говорит он, указывая на тёмно-синюю. — Не слишком вычурная, но статус есть.

Я сажусь внутрь, провожу ладонью по рулю. Внутри пахнет кожей и чем-то сладковатым

— Удобная, — говорю честно.

Он улыбается довольный. И в этот момент у него звонит телефон.

Сначала он просто хмурится. Потом отходит в сторону. Потом голос становится жёстче.

— Что значит заблокировали?... Подожди, это как - без уведомления?... Какое «временно»?! ты вообще понимаешь, о чем говоришь?

Я выхожу из машины, подхожу ближе. Он заканчивает разговор резко, почти швыряет телефон в карман. Несколько секунд просто стоит, глядя в пол.

— Проблемы? — осторожно спрашиваю.

— Да, чёрт побери, — он проводит рукой по лицу. — Один счёт прихлопнули. Пока разбираются.

— Серьёзно?

— Да. Все не вовремя.

Я молчу. Мы идем дальше, но уже без интереса. Остин останавливается, смотрит на машины так, будто видит их впервые.

— Господин, так что на счет этой модели? Вам нравится?, - пытается вернуть наше внимание сотрудник салона.

— Машину пока не берём. - говорит Остин резко.

— Почему?, - вырывается у меня и я тут же жалею.

Остин оборачивается.

— Потому что сейчас не время, Лана. Деньги могут понадобиться.

— Я понимаю, - говорю быстро. - Конечно.

Он выдыхает. Будто выпускает пар.

— Потом купим. Не трагедия.

По дороге домой в машине тяжело. Он молчит, я не лезу. Смотрю в окно, считаю про себя остановки.

— Остин, ты не переживай, все образуется. Это ведь не первый раз, когда возникают неприятности.

Остин так же молчит. Лишь сильно сжимает руль, смотрит внимательно на дорогу, губы сомкнуты.

Бесполезно. Решаю больше не продолжать. Лишь сильнее разозлю его. Ему надо отвлечься. Может попробовать.

Когда мы подъезжаем к дому, я всё-таки решаюсь.

— Слушай... — начинаю осторожно. — Я тут видела объявление. Про марафон. В соседнем городе. Может, съездим?

Он смотрит на меня так, будто я сказала что-то неприличное.

— Ты серьёзно сейчас?

— Я просто спросила...

— У меня счета блокируют, Лана, — голос срывается. — Ты понимаешь вообще, что происходит? У меня бизнес может встать. А ты про марафоны.

— Я хотела отвлечь...

— Меня не надо отвлекать, — перебивает он. — Мне надо решать проблемы.

Мы поднимаемся в квартиру в тишине. Я иду на кухню, он — за мной, бросает ключи на стол.

— Ты вообще понимаешь, в какой момент это звучит? - продолжает он - Будто тебе все равно.

— Мне не все равно, - говорю я. - Я переживаю.

— Знаешь, что меня больше всего бесит? — говорит он вдруг. — Вот это твоё. Бегать, марафоны... Детский сад.

Мне больно. Я молчу.

— Ты живёшь за мой счёт, — продолжает он, уже не сдерживаясь. — И в такой момент думаешь о забегах?

— Я просто хотела...

— Хотела — это потом, — обрывает он. — Сейчас будь полезной.. А не со своими хотелками.

Я замираю. Глотаю обиду. Слова бьют больно.

— Полезной - это как?, - спрашиваю, уже зная ответ.

— Быть рядом. А не жить в своем мире.

Подхожу ближе, кладу руку ему на плечо.

— Не злись, пожалуйста, — говорю тихо. — Давай не будем ссориться. Сегодня просто тяжелый день. Я погорячилась и сказала глупость. Все будет хорошо. Ты справишься.

Он не отстраняется, но и не отвечает. Просто стоит.

Уходит в ванную и закрывает дверь. Я сажусь на стул и долго смотрю в одну точку.

В голове крутится одно и то же. Его слова. Его тон. И ощущение, что мое место - где-то между «потом» и «не сейчас».

Мне ужасно обидно и внутри все кипит. Я злюсь и в порыве хватаю телефон.

Глава 7

алексей

Город после дождя выглядит чище, чем есть на самом деле. Я еду медленно, не потому что пробки — потому что не спешу. Стекло запотело, фары разрезают мокрый асфальт, и отражения тянутся, как следы от ногтей. Иллюзия порядка. Иллюзия свежести. Иллюзия контроля.

Я люблю иллюзии. Особенно те, которые создаю сам.

Ночь, дорога, ощущение, что всё под контролем.

Фары скользят по мокрой дороге и в отражениях витрин мелькает мое лицо - спокойное, собранное, привычно закрытое. Никакого напряжения. Я умею держать себя в руках. Я не из тех, кто бросается за женщиной, едва она вышла из поле зрения.

Тем более - за чужой женщиной.

Чужой.

Слово цепляется, как заноза под кожу. Я не выдергиваю ее. Оставляю. Пусть сидит. Иногда полезно чувствовать раздражение - оно обостряет расчет.

Светофор переключается на красный. Машины останавливаются. Я тоже. Пальцы спокойно лежат на руле. Дыхание ровное.

Перед глазами снова и снова встаёт она.

Не лицо даже — движение. Как она колебалась перед тем, как сесть в машину. Как держала листовку слишком крепко, будто боялась, что её отберут. Как отказалась — вежливо, но сразу. Не играя.

Такие не играют.

Зеленый.

Я трогаюсь.

В квартире темно. Я не включаю верхний свет — только лампу у окна. Полутень делает пространство тише. Снимаю пиджак, кидаю его на спинку кресла. Телефон ложится на стол экраном вниз. Это привычка. Я не жду сообщений.

Я иду на кухню, наливаю воду, пью прямо из стакана. Холодная. Вкусная. В голове пусто и одновременно слишком тесно.

Она живёт с ним.

Я не знаю деталей, но знаю достаточно. Видел, как он смотрит на неё. Не как на равную — как на вещь, которая подчёркивает статус. Я таких видел сотни. Они уверены, что если обеспечивают — значит, владеют.

Такие женщины не прыгают в неизвестность. Они долго терпят, а потом уходят резко

Он — Круглов — из тех, кто уверен, что это невозможно.

Я усмехаюсь.

Ошибки всегда начинаются с уверенности.

Я возвращаюсь в гостиную, сажусь в кресло, закидываю ногу на ногу. Пальцы сами складываются пирамидкой. Я ловлю себя на этом и усмехаюсь.

Контроль.

Я привык к тому, что всё начинается и заканчивается по моей воле. Люди приходят ко мне, когда у них горит. Не потому что я спаситель — потому что я умею считать и не боюсь брать ответственность. В этом нет романтики. Только расчёт.

И она — не исключение.

Я достаю визитку из кармана. Кладу на стол. Смотрю на неё несколько секунд, потом убираю обратно. Я не собираюсь ей звонить.

Я знаю другой путь.

Телефон вибрирует. Я смотрю на экран — уведомление от Арсения. Короткое, по делу. Я отвечаю так же коротко. Потом ещё одно — от партнёра. Потом письмо.

Жизнь идёт как обычно. Только фон другой.

Я думаю о том, как она сжалась, когда он повысил голос. Не на меня — я это видел раньше, на вечеринке. Микродвижение, которое выдают только те, кого приучили быть осторожными.

Это злит.

Не вспышкой. Медленно. Холодно.

Я не собираюсь спасать её. Это было бы глупо и самонадеянно. Я просто не люблю, когда рядом со мной есть что-то сломанное не по моей вине.

Кабинет встречает тишиной. Высокие окна, ночной город внизу — ровный, собранный, без истерик, люди. Каждый занят собой, и это нормально. Никто никому ничего не должен.

Кроме тех, кто берёт.

В темноте люди не играют, они просто существуют.

Я снимаю пиджак, вешаю его аккуратно, не бросая. Включаю лампу у окна. Дерево стола тёплое, отполированное годами встреч и решений. Запах старого табака — не мой, но въевшийся, как память. Здесь принимались решения, которые ломали чужие жизни, и никто не устраивал драм.

Я сажусь в кресло, складываю пальцы пирамидкой. Покручиваюсь слегка, откидываясь назад. Тело знает эту позу лучше, чем я сам. В ней удобно думать.

Савва заходит без стука — мы давно работаем так. Кидает на стол папку.

— Проверил всё, что ты просил, — говорит он. — И мне это не нравится.

Я откидываюсь в кресле.

— Говори.

Савва раскрывает папку, листает.

— У Круглова реальные проблемы. Два кредита висят мертвым грузом. Поставщик грозит судом. Один из баров работает в минус. И если мы выведем ещё пару моментов... он рухнет.

Я спокойно киваю.

Это то, что мне и нужно.

Савва хмурится:

— Алексей, я повторю вопрос: зачем?

— Мы уже обсуждали.

— Нет. Тогда ты говорил эмоционально. Сейчас — цифры, расчёты, реальные действия. Мне нужно понимание.

Я не реагирую.

Савва продолжает:

— Ладно. Тогда слушай. Если мы начнём давить его бизнес, он пойдёт на крайние меры. Он начнёт бегать по банкам, партнёрам, искать поддержки. И рано или поздно — возможно придёт к тебе напрямую.

Я беру папку со стола — ту самую, с пометками Саввы. Открываю, листаю. Цифры сходятся. Долги дышат в затылок. Поставщики нервничают. Один бар — минусовой, второй держится на честном слове. Это не крах. Пока нет. Но это трещины. А трещины — моя территория.

Мне не нужно давить. Нужно просто слегка подтолкнуть.

Я не собираюсь рушить его в лоб. Грубая сила оставляет следы. Мне нужна чистота. Чтобы всё выглядело как естественный ход событий. Его ошибки. Его жадность. Его спешка.

И чтобы никто не посмотрел в мою сторону.

Я знаю, как он будет себя вести. Знаю типаж. Сначала — отрицание. Потом — злость. Потом — паника. И только потом — поиск помощи. Через третьих лиц. Через людей, которые «могут договориться».

И вот тогда...

Я откидываюсь в кресле, смотрю в потолок.

Она не похожа на тех, кто бежит жаловаться. Она будет держаться до последнего. Делать вид, что всё нормально. Поддерживать его. Гладить по голове, пока он орёт на весь дом.

А потом внутри что-то щёлкнет.

Я знаю этот звук.

Я поддаюсь вперед.

— Начинай работать.

— Конкретно?

— Первое: блокируем им поставки. Второе: проверяем документы по бару. Третье: вытаскиваем наружу его старые долги. Но без прямой связи с нами.

Савва делает пометки, закрывает блокнот:

— Ладно, босс. Твой план. Я — за.

Он поднимается, но перед дверью оборачивается:

— Ты понимаешь, что после этого пути назад не будет? Ни для Круглова, ни для тебя?

Я смотрю ему прямо в глаза:

—Для меня это не проблема.

— Чертов псих, - улыбается Савва и выходит.

Я поворачиваюсь в кресле к окну. Персиковый свет заливает весь мой кабинет через огромные окна в пол. Настроение отличное.

Телефон, лежащий на столе экраном вниз, вибрирует. Падающее сообщение тут же заставляет меня улыбнуться. Я не тороплюсь. Даю ему полежать. Пусть сообщение повисит в воздухе. Я и так знаю, что там.

«Я поеду»

Глава 8

Лана.

Я выхожу раньше, чем нужно, и теперь стою у подъезда, сжимая ремешок рюкзака, будто он может удержать меня на месте. Утро ещё не проснулось до конца: воздух холодный, прозрачный, машины редкие, окна тёмные. И в этой тишине моя идея кажется особенно глупой.

Зачем я согласилась.

Я могла не отвечать. Могла сослаться на дела, на погоду, на что угодно. Но вот я здесь — в кроссовках, с собранными волосами, с этим странным чувством под рёбрами, которое не имеет названия. Это не радость и не страх. Скорее ожидание, от которого хочется спрятаться.

Я проверяю телефон. Нет, он не опаздывает. Он вообще не из тех, кто опаздывает. Это я пришла слишком рано.

Мысль мелькает и тут же гаснет: а если он не приедет?

Смешно. Я почти фыркаю сама на себя.

Фары появляются в конце улицы спокойно, без спешки. Мерседес останавливается рядом. Чёрный, сдержанный, как и он. Дверь открывается, и Алексей кивает мне, будто мы делаем это не в первый раз.

— Доброе утро.

Голос ровный. Нормальный. От этого становится ещё страннее.

— Доброе, — отвечаю я и сажусь в машину.

Внутри тепло. Пахнет чем-то нейтральным — кожей, чистотой, дорогой. Он не спрашивает, почему я нервничаю. Не смотрит слишком пристально. Просто выезжает, включает музыку тихо, почти фоном.

Я пристёгиваюсь и смотрю в окно. Сердце всё ещё бьётся быстрее, чем нужно.

— Если передумала, — говорит он, не глядя на меня, — можем развернуться.

Я поворачиваю голову.

— Нет, — отвечаю слишком быстро, а потом тише: — Всё нормально.

Он кивает. Принимает мой ответ без уточнений.

Мерседес плавно набирает скорость, город остаётся позади, и вместе с ним — моя привычная уверенность в том, что я всегда знаю, где моё место. Сейчас я не знаю. И почему-то это пугает меньше, чем должно.

Мы выезжаем из города. Дома постепенно редют, будто кто-то стирает их ластиком и я наконец перестаю смотреть на часы. Дорога свободная, асфальт тёмный после ночи, машина идёт ровно. Алексей ведёт спокойно, без резких движений, будто никуда не торопится, хотя едет уверенно.

Я ловлю себя на том, что слежу не за пейзажем, а за тем, как Алексей ведет машину. Руки на руле уверенные, будто это продолжение его самого.

Он протягивает мне бутылку воды.

— Возьми. Потом забудешь.

— Спасибо.

Я делаю пару глотков и кладу бутылку в подстаканник. Он мельком смотрит, проверяет навигатор, чуть сдвигает телефон креплением, чтобы не бликовал.

— Давно бегаешь? — спрашивает он.

— Лет с девятнадцати, наверное. Тогда прям увлеклась.

— А сейчас?

— Сейчас... так. Для себя. Без фанатизма.

Он кивает.

— Соревнования были?

— Пару раз. Тогда же. Потом перестала ездить.

— Почему?

Я задумываюсь, глядя в окно.

— Сначала учёба. Потом как-то... не до того стало.

— На кого училась?

— Экономист аналитик. Финансовый анализ, инвестиционные оценки.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— И не работаешь?

— Нет.

— Не понравилось?

Я пожимаю плечами.

— Поняла, что не моё. Бумаги, споры, чужие проблемы. Мне тяжело в этом.

Он не усмехается, не комментирует. Просто кивает, будто ставит галочку.

— Понятно.

Мы едем немного молча. Музыка играет тихо, что-то нейтральное, я даже не запоминаю. Внутри у меня постепенно появляется то самое ощущение, ради которого я и согласилась. Не про него. Про бег. Про дорогу. Про то, что скоро старт.

— А ты? — спрашиваю я. — Ты часто ездишь на такие штуки?

— Иногда.

— Ты за результатом?

— Нет.

— Тогда зачем?

Он думает секунду.

— Мне нравится сам процесс. Когда ты занят телом и голова перестаёт лезть со всем подряд.

Я киваю.

— Да. Понимаю.

— Побеждать приятно, — добавляет он. — Но если делать из этого цель, удовольствие быстро заканчивается.

Мне это отзывается. Слишком сильно, чтобы комментировать.

Алексей говорит это так уверенно, будто бег - не хобби, а способ держать себя в форме изнутри. Я вдруг представляю его на дистанции: сосредоточенного, немногословного, сильного. Мысль теплом скользит где-то ниже живота и я тут же мысленно одёргиваю себя.

Не туда.

Мы съезжаем на трассу, машин становится больше. Я чувствую, как внутри нарастает предвкушение. Не нервное, а ровное. Такое, от которого хочется выпрямиться и глубже вдохнуть.

— Ты волнуешься? — спрашивает он.

— Нет. Скорее... жду.

— Хорошее состояние.

— Угу.

Он снова проверяет навигатор, чуть сбрасывает скорость. Я замечаю, что он вообще много внимания уделяет мелочам. Не суетится, но всё под контролем.

— А ты всегда бегаешь одна? — спрашивает он.

— В основном да.

— Почему?

— Не люблю подстраиваться. И не люблю, когда под меня подстраиваются.

Алексей усмехается, но без иронии.

— Тогда будем бежать каждый в своём темпе.

— Ты же быстрее.

— Значит, начнём вместе.

Я поворачиваю голову и смотрю на него. Алексей говорит это спокойно, будто речь о погоде.

— Ты всегда такой? - спрашиваю я.

— Какой?

— Спокойный.

— Не всегда. Но стараюсь не суетиться без повода.

— А это повод? - я киваю на дорогу, на нас.

Алексей снова смотрит на меня - дольше, чем нужно для вежливости.

— Пока нет, - говорит он.

Сердце пропускает удар. Я отворачиваюсь первой.

Мы едем дальше. Я замечаю, как тело постепенно расслабляется: плечи опускаются, дыхание выравнивается. Страх уходит, оставляя после себя странное предвкушение.

— Спасибо, — говорю я, сама не зная, за что именно.

— Не за что.

Мы подъезжаем ближе к городу, появляются указатели, светофоры. В животе приятно тянет, как перед чем-то важным, но хорошим. Я ловлю себя на том, что мне легко. Без лишних мыслей, без напряжения.

Машина плавно катится к парковке у старта.

— Приехали, — говорит он. — Если что, я рядом.

Я киваю и открываю дверь. И вдруг понимаю, что рада не только забегу.

Регистрация шумная, живая. Люди в ярких майках, кто-то смеётся слишком громко, кто-то уже разминается, кто-то нервно проверяет номер на груди. Музыка гремит из колонок, но не забивает — просто создаёт фон, как пульс.

Я выхожу из машины и на секунду замираю. Толпа плотная, движется волнами. И странно — я не теряюсь. Наоборот, будто возвращаюсь туда, где уже была. Это ощущение знакомое: тело знает, что делать, раньше головы.

— Пойдём, — говорит Алексей, и мы вливаемся в поток.

Он рядом, но не вплотную. Не тянет, не ведёт за собой. Просто идёт чуть сбоку, иногда оглядывается, чтобы убедиться, что я здесь. Мне это нравится.

На регистрации очередь. Люди обсуждают погоду, трассу, прошлые забеги. Я ловлю обрывки фраз, и внутри появляется лёгкое возбуждение. Не нервное — рабочее. Такое бывает перед стартом, когда всё ещё впереди.

— Первый раз здесь? — спрашивает девушка впереди.

— Нет, — отвечаю я. — Давно не была.

Она улыбается и отворачивается. Всё просто. Никаких лишних разговоров.

Мне выдают номер, я прикалываю его к майке. Пальцы ловкие, уверенные. Я замечаю это и чуть улыбаюсь сама себе. В этот момент я на своём месте. Не чья-то женщина. Не чья-то тень. Просто я — здесь.

Далее я приступаю к разминке. Разогреваю мышцы, тянусь, делаю пару упражнений пробегаю несколько кругов вокруг небольшого здания, что стоит поодаль. Алексей тоже все это выполняет. Мы делаем все это в разном темпе, но он все время находится рядом. Не упускает меня из виду.

Мы выходим к стартовой зоне. Людей ещё больше. Кто-то пробегает мимо, задевая плечом. Я инстинктивно делаю шаг в сторону, но кто-то сзади толкает сильнее, чем нужно.

И тут — рука на моей спине.

Коротко. Ладонь тёплая, уверенная. Не прижимает, не задерживается. Просто фиксирует, возвращает равновесие. И сразу исчезает.

— Осторожно, — говорит Алексей спокойно, даже не повышая голос.

Я киваю, но внутри происходит что-то странное. Тело реагирует быстрее, чем я успеваю подумать. По спине пробегает волна, будто от прикосновения осталось эхо. Я чувствую его ладонь ещё секунду — там, где её уже нет.

Глупо. Совсем не к месту.

Я делаю глубокий вдох и смотрю вперёд. Люди смеются, переговариваются, кто-то фотографируется. Всё обычное. Нормальное.

Алексей стоит рядом, смотрит на часы. Сосредоточенный. Спокойный. Я вдруг ловлю себя на том, что отмечаю, как он выглядит среди всех этих людей. Не выделяется специально, но и не теряется. Как будто ему не нужно ничего доказывать.

— Всё нормально? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я слишком быстро и тут же добавляю тише: — Просто давно не было такого.

— Привыкнешь за первые километры.

— Надеюсь.

Мы перемещаемся ближе к старту. Музыка становится громче, кто-то хлопает в ладоши. Я чувствую, как внутри собирается энергия. Смешно, но мне хорошо. Даже слишком.

Я снова ловлю его взгляд. Он спокойный, внимательный, без лишнего. И мне вдруг становится ясно: он здесь не для того, чтобы за мной следить. Он здесь потому, что ему это тоже нужно.

И от этой мысли тело реагирует сильнее, чем разум.

Мы отходим чуть в сторону, туда, где людей меньше и можно спокойно подготовиться. Я присаживаюсь на корточки, завязываю шнурки, проверяю, не давят ли кроссовки. Всё знакомо до мелочей, будто я и не делала паузы на несколько лет.

Алексей стоит рядом, молчит. Не торопит. Я чувствую его присутствие спиной — ровное, спокойное.

— Не туго? — спрашивает он, когда я поднимаюсь.

— Нормально.

Он кивает и сам наклоняется, подтягивает шнурок на кроссовке. Движения быстрые, уверенные. Видно, что это не первый старт в его жизни.

— Темп возьмём спокойный, — говорит он, будто продолжая мысль, которая давно у него в голове. — Первые километры вообще не считаются.

— Я знаю, — отвечаю я.

Он смотрит на меня внимательно, без сомнений, но и без проверки.

— Знаешь — хорошо. Тогда просто слушай тело.

Я киваю. От его голоса внутри становится ровнее. Не бодрит и не заводит — стабилизирует.

— Если вдруг станет тяжело, — продолжает он, — не геройствуй. Сбавишь шаг — ничего страшного.

— Ты думаешь, я геройствовать люблю?

— Думаю, ты умеешь терпеть дольше, чем надо.

Я открываю рот, чтобы возразить, но не нахожу слов. Он попал слишком точно, а мне сейчас не хочется спорить.

— Ладно, — говорю я. — Договорились.

Он улыбается уголком губ. Не широко, не показательно. Скорее для себя.

— Я буду рядом первые километры, — добавляет он. — Потом посмотрим.

— Посмотрим — это как?

— По ситуации.

Мне нравится, что он не строит планов на десять шагов вперёд. Есть ощущение, что с ним можно не держать всё под контролем самой.

Мы встаём ближе к линии старта. Люди притихают, кто-то снимает куртки, кто-то прыгает на месте. Я делаю несколько глубоких вдохов. Сердце бьётся чаще, но не из-за волнения — скорее от предвкушения.

— Давно не бегала соревнования, — говорю я, будто оправдываюсь.

— Не важно, — отвечает он. — Тело помнит.

Я смотрю на него. Он говорит это так уверенно, что мне хочется поверить. И я верю. Не потому что он мужчина, не потому что сильный. А потому что он не пытается убедить — просто констатирует.

— Если что, — повторяет он тише, — я рядом.

Эта фраза ложится куда-то глубже, чем нужно для бега. Я сглатываю и киваю.

— Спасибо.

Он не отвечает. Просто смотрит вперёд, туда, где сейчас начнётся движение. Я делаю то же самое.

Секунды тянутся, как перед прыжком в воду. Я вдруг понимаю, что доверяю ему. Не полностью, не слепо — но достаточно, чтобы позволить ему задать темп. И это странное, новое чувство. Тихое. Надёжное.

Раздаётся сигнал.

Сигнал резкий, короткий — и толпа сразу срывается, будто кто-то открыл заслонку. Люди вокруг начинают двигаться почти одновременно, плечо к плечу, дыхание смешивается, шаги гулко отдаются по асфальту. Адреналин поднимается мгновенно, горячей волной, и на секунду хочется ускориться, вырваться вперёд.

Я делаю первый шаг, второй, третий — и заставляю себя не рваться. Держу ритм. Рядом Алексей, чуть сбоку, так, чтобы не мешать, но и не теряться. Я чувствую его присутствие без взгляда — по шагу, по дыханию, по тому, как он идёт ровнень.

Толпа плотная, кто-то обгоняет, кто-то, наоборот, тормозит. Я лавирую, стараясь не сбиваться. Сердце стучит быстро, но ровно. Тело включается, будто его просто ждали.

— Не спеши, — говорит Алексей негромко, почти на ухо.

Я киваю, не отвечая. Говорить сейчас не хочется. Воздух холодный, чистый, он заполняет грудь до отказа. Мы бежим, и всё лишнее отступает — мысли, сомнения, прошлые дни.

Первые сотни метров проходят как одно длинное движение. Я чувствую, как шаг становится устойчивым, дыхание находит свой ритм. Алексей рядом, иногда чуть выдвигается вперёд, потом снова выравнивается со мной. Он не тянет. Просто держит темп.

Люди постепенно растягиваются, становится просторнее. Шум толпы гаснет, остаётся только стук кроссовок и дыхание. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Мне хорошо. Настолько, что даже страшно спугнуть это чувство.

Мы бежим дальше, вперёд, в движение, и я знаю только одно: останавливаться сейчас не хочется.

Глава 9

Лана.

Дыхание выравнивается не сразу. Первые километры — это всегда поиск: тела, шага, внутреннего ритма. Я ловлю темп, подстраиваю шаг под дыхание, стараюсь не смотреть на часы слишком часто. Асфальт тянется лентой, дома остаются позади, и город постепенно растворяется, будто его и не было.

Алексей бежит рядом. Не впереди, не сзади — на уровне плеча. Я чувствую его шаг, слышу дыхание, и это странно помогает. Не отвлекает, не давит. Просто присутствие.

— Смотри на шаги, — говорит он, когда я начинаю сбиваться. — Не думай.

Я киваю, концентрируюсь на движении. Левая. Правая. Дыхание на два шага. Всё просто, когда не лезешь в голову.

Первые пять километров пролетают незаметно. Эйфория накрывает волной — лёгкой, чистой. В теле тепло, мышцы работают слаженно, будто давно ждали этого момента. Я чувствую себя живой. Не нужной, не правильной — просто живой.

Люди вокруг уже не толпа, а отдельные фигуры. Кто-то обгоняет, кто-то отстаёт. У каждого свой ритм, своя борьба. Я перестаю сравнивать, перестаю смотреть по сторонам. Есть только дорога и шаг.

На седьмом километре становится тяжелее. Не резко — постепенно. Сначала чуть сбивается дыхание, потом ноги наливаются свинцом. Я знаю это состояние. Оно знакомое, но от этого не легче.

Алексей замечает сразу.

— Не ускоряйся, — говорит он спокойно. — Держи.

— Держу, — отвечаю я, хотя внутри появляется сомнение.

Мы бежим молча. Он не подбадривает, не подталкивает словами. Просто рядом. Иногда смотрит на мои ноги, будто проверяет шаг.

— Не смотри вперёд, — говорит он. — Смотри под ноги. Здесь и сейчас.

Я делаю, как он говорит. Асфальт передо мной, серый, ровный. Шаг за шагом. Дыхание чуть тяжёлое, но контролируемое.

И вдруг — лёгкое головокружение. Не резкое, не пугающее, но ощутимое. Мир на секунду будто качается. Я инстинктивно сбавляю темп.

— Всё нормально? — сразу спрашивает он.

— Да, — отвечаю я слишком быстро. — Просто... накрыло.

Он смотрит внимательнее.

— Не геройствуй.

Я злюсь на себя за это слово, но понимаю, что он прав. Я сбавляю шаг ещё немного, выравниваю дыхание. Внутри всплывает знакомое ощущение — слабость, которой не должно быть, но которая есть. Я стараюсь не думать, откуда она. Не сейчас.

— Дыши, — говорит он. — Медленно.

Я делаю, как он говорит. Вдох. Выдох. Через пару минут головокружение отступает, оставляя после себя лёгкую усталость. Не критично. Жить можно.

Эйфория возвращается, но уже другая — спокойнее. Более взрослая. Я чувствую каждую мышцу, каждый вдох. Тело работает, и этого достаточно.

— Ты хорошо держишься, — говорит он.

— Ты тоже, — отвечаю я, и в этом нет кокетства.

Алексей улыбается, не глядя на меня.

Мы бежим дальше. Дорога делает плавный поворот, впереди виднеется длинный прямой участок. Я знаю, что финиш ещё не скоро, но внутри появляется уверенность: я дойду. Не быстро, не красиво — но дойду.

Алексей рядом. Он не ведёт, не тянет, не спасает. Он просто бежит. И в этот момент это важнее любых слов.

Накрывает резко. Без предупреждения. Как будто кто-то внутри щёлкает выключателем, и тело вдруг перестаёт слушаться так, как должно. Ноги тяжелеют, дыхание сбивается, в груди появляется тупое давление. Я сбавляю шаг, потом ещё. Почти перехожу на шаг.

Стыд накрывает быстрее усталости. Глупый, липкий. Перед собой. Перед ним. Перед всеми, кто бежит дальше, будто им легче, будто они сильнее.

— Чёрт, — вырывается у меня сквозь дыхание.

Я останавливаюсь. Просто встаю, согнувшись, упираясь руками в бёдра. В голове шумит. Мысли путаются. Злость поднимается — на тело, на себя, на эту дурацкую идею приехать сюда спустя столько лет.

Алексей останавливается рядом. Не трогает. Не хватает за локоть. Просто стоит.

— Я... — начинаю я и замолкаю. Слова не складываются.

Я чувствую, как горит лицо. Хочется исчезнуть. Хочется сказать что-нибудь резкое, оправдаться, свести всё к шутке. Но сил нет даже на это.

— Решай, — говорит он спокойно. Без давления. — Твоя дистанция.

Я поднимаю на него глаза. Он смотрит прямо, без жалости, без раздражения. В его взгляде нет ни тени разочарования.

— Я рядом, — добавляет он. — В любом случае.

Эти слова не подбадривают. Они снимают ответственность с него и возвращают её мне. И от этого становится ещё злее. Потому что спрятаться больше не за кем.

Я делаю глубокий вдох. Потом ещё один. Сердце колотится, но уже не так хаотично. Я распрямляюсь, делаю шаг вперёд. Медленно. Проверяю, слушаю тело.

— Если пойдёшь — пойдёшь, — продолжает он. — Если побежишь — побежишь. Не ради кого-то.

Я смотрю на дорогу. Она тянется дальше, ровная, безжалостная. Я понимаю, что если сейчас сойду, это будет не про разум. Это будет про страх. Про привычку останавливаться, когда становится трудно.

— Ладно, — говорю я хрипло.

Я делаю шаг, потом ещё. Перехожу на медленный бег. Ноги ноют, дыхание тяжёлое, но движение возвращает контроль. Не сразу — постепенно.

Алексей бежит рядом, подстраиваясь под мой новый темп. Не ускоряет, не замедляет специально. Просто рядом.

Каждый следующий шаг — как маленькое решение. Остаться. Не сдаться. Не ради финиша, не ради результата. Ради себя.

Злость сменяется упрямством. Стыд отступает. Остаётся только дорога и движение вперёд. И я понимаю: я продолжаю.

Финиш уже близко — я чувствую это кожей раньше, чем глазами. Воздух будто меняется-становится плотнее, шум громче, будто кто-то подкручивает громкость мира. Люди вокруг ускоряются, вытаскивают из себя последнее, кто-то кричит, кто-то смеётся сквозь усталость.

Я бегу на том, что осталось. Не красиво. Не легко. Но честно. Не рекорд. И я это знаю. Ноги гудят, майка липнет к спине, дыхание рваное, но внутри - странная ясность. Я здесь. Я дошла.

Алексей всё ещё рядом. Его дыхание ровнее моего, шаг стабильный, будто он вообще не на пределе. И вдруг он поворачивает голову.

— Ты не против, если я побегу?

Вопрос звучит спокойно, будто предлагает взять кофе.

Я даже не сразу понимаю.

— Что?

— Финиш, - поясняет он. - Я ускорюсь.

Я смотрю на него, моргаю. В голове мелькает что-то глупое - «конечно, беги, зачем ты вообще спрашиваешь». И вслух выходит почти то же самое:

— Конечно... Беги.

Он кивает — коротко. И в следующий миг происходит что-то почти физически ощущаемое.

Он меняется.

Не рывком — нет. Он будто выпрямляется изнутри. Плечи расправляются, спина становится прямой, шаг удлиняется. Бег перестаёт быть движением усилия и становится движением силы. Он уходит вперёд легко, уверенно, красиво — так, что это невозможно не заметить.

Я смотрю ему вслед, и внутри что-то сжимается.

Он всё это время мог так.

Просто не делал.

Он растворяется в потоке бегущих, но при этом выделяется — не скоростью даже, а тем, как он держит себя. Контроль. Сдержанность. Спокойная мощь. И от этого у меня вдруг перехватывает дыхание сильнее, чем от усталости.

Это странно. Неуместно. Но тело реагирует раньше, чем разум успевает поставить запрет.

Я заставляю себя смотреть вперёд. Финиш уже совсем близко. Арка, флаги, люди за ограждением. Музыка бьёт по ушам. Адреналин подсакивает резко, будто меня толкнули в спину.

Я ускоряюсь. Насколько могу.

Ноги гудят, майка прилипла к телу, пот течёт по спине, по вискам, но внутри — эйфория. Чистая. Грязная. Настоящая.

Шум. Свет. Крики. Хлопки.

И он.

Алексей стоит там, за финишной линией. Уже отдышался. Спокойный. Собранный. Будто не бежал вовсе. Смотрит на меня так, будто всё это время ждал именно этого момента.

Я не думаю.

Я просто лечу к нему. Пересекаю финишную линию — и мир взрывается.

Руки сами обвивают его шею, тело прижимается, будто ищет опору, будто хочет убедиться, что он настоящий. Он ловит меня мгновенно — крепко, уверенно, без суеты. Его ладони на моей спине, пальцы чувствуются даже через мокрую ткань. Я чувствую его всего — тепло, силу, запах кожи, ровное дыхание у моего виска.

Секунда. Две.

Моё тело дрожит — от усталости, от адреналина, от того, как правильно и неправильно это ощущается одновременно.

Сознание возвращается резко, как холодная вода.

Я отстраняюсь, делаю шаг назад. Лицо горит.

— Прости... я... — слова путаются, вываливаются неловко. — Это адреналин... я не...

Я замолкаю, потому что звучит глупо.

Он смотрит на меня спокойно. Без улыбки. Без комментариев. Только легкое, почти незаметное движение бровей - как будто он все понял и не считает нужным озвучивать.

— Всё нормально, — говорит он просто.

И всё. Ни шага ближе. Ни шага дальше.

Мы стоим рядом, переводим дыхание. Пот, усталость, дрожь в ногах. Отходняк накрывает медленно, волнами. Мир постепенно возвращается на место.

А внутри у меня остаётся ощущение, от которого не сбежать:

я только что коснулась чего-то большего, чем просто финиш.

Эйфория не отпускает сразу. Она держит меня за рёбра, за дыхание, за кожу. Я иду медленно, будто тело всё ещё бежит, а ноги просто догоняют его. Вокруг люди — уставшие, счастливые, чужие. Кто-то смеётся, кто-то лежит прямо на газоне, кто-то фотографируется с медалью, подняв руку вверх.

Мне на шею надевают тонкую металлическую ленту — медаль финишёра. Холодная. Тяжёлая. Настоящая. Я сжимаю её пальцами и вдруг понимаю, что улыбаюсь как дура.

Со сцены что-то говорят — слова проходят мимо. Благодарят партнёров, волонтёров, объявляют, что награждение призёров начнётся через десять минут. Я слышу только обрывки. Мой мир сейчас сузился до дыхания, влажной ткани на теле и ощущения, что я смогла.

Алексей где-то рядом. Я не вижу его каждую секунду, но знаю — он здесь. Это странное знание. Теплое. Нервное.

— Я в раздевалку, — говорю я, когда он появляется рядом.

— Я тоже, — отвечает он. — Встретимся у выхода?

Я киваю и иду, чувствуя, как внутри всё снова сжимается. Мы расходимся в разные стороны, и это внезапно ощущается сильнее, чем если бы он ушёл совсем.

В раздевалке шумно. Запах пота, геля для душа, влажных полотенец. Я переодеваюсь медленно, чувствуя своё тело — уставшее, тёплое, чувствительное. Кожа будто тоньше, чем обычно. Каждое движение отдаётся внутри. Я ловлю себя на мысли, что он знает, как я сейчас выгляжу. Мокрая. Раскрасневшаяся. Живая.

Я надеваю сухую футболку, провожу ладонью по животу — машинально, успокаивая. Голова чуть кружится, но я списываю это на бег. Всегда так делаю.

Когда выхожу, он уже ждёт. Свежий. Спокойный. Будто и не бежал столько же.

— Есть хочется, — говорю я первой, чтобы заполнить паузу.

— Я знаю место, — отвечает он. — Ничего особенного. Но вкусно.

Мы идём в маленькую кафешку неподалёку — простые столы, меню мелом на доске, запах кофе и горячего хлеба. Я заказываю сэндвич и сок, он — омлет и чёрный кофе. Ничего лишнего.

Мы смеёмся. Вспоминаем моменты трассы. Как парень в костюме банана обогнал нас на подъёме. Как девочка лет десяти хлопала ладошками у обочины. Как я почти сошла.

— Я думала, всё, — признаюсь я, ковыряя салфетку. — Стыдно было жутко.

— Ты не сошла, — спокойно говорит он. — Это главное.

Я поднимаю на него глаза. Он не смотрит в тарелку. Он смотрит на меня.

— Но, — добавляет он, — тебе не стоит так перенапрягаться. Пока. Ты ещё не в той форме. И если кружится голова — это сигнал.

Я киваю.

— Я знаю.

Он думает, что это из-за нагрузки. Но это не так. Эти редкие головокружения последствия того «случая». Пусть. Я не собираюсь сейчас лезть туда, где больно.

Эйфория постепенно отступает, оставляя после себя мягкую усталость и странную близость. Не обещание. Не флирт. Что-то тёплое, между.

— Спасибо, что поехал со мной, — говорю я тихо.

— Ты бы всё равно поехала, — отвечает он. — Рано или поздно.

Я улыбаюсь. Он прав. Мир сужается до расстояния между нашими столовыми приборами.

Я ловлю себя на том, что смотрю на него слишком долго.

На его руки — сильные, спокойные, уверенные. На то, как он держит чашку, как пальцы обхватывают керамику, будто она тёплая и живая. На шею, на ключицы под простой футболкой. После бега он выглядит... иначе. Не отполированным. Настоящим. Слегка растрёпанным. И от этого внутри меня что-то откликается слишком остро.

Я делаю глоток сока, и вдруг понимаю, что чувствую его запах. Не парфюм — кожу, тепло, остаток холодного воздуха трассы. Это сбивает с толку сильнее, чем сам забег.

— Ты на подъёме сбилась, — говорит Алексей, между прочим. — Я думал, ты ускоришься.

— Я думала, ты меня бросишь, — улыбаюсь я.

Он смотрит прямо.

— Я не бросаю.

И эта фраза ложится куда-то слишком глубоко.

Я ощущаю своё тело отчётливо — бёдра на стуле, натяжение в животе, лёгкую пульсацию ниже. Это не про желание прямо сейчас. Это про осознание: я живая, чувствующая, откликающаяся. И он — причина этого отклика.

Он наклоняется чуть ближе, чтобы взять соль, и между нами на секунду сокращается расстояние. Слишком близко. Я чувствую тепло от его плеча, и дыхание предательски сбивается. Я отвожу взгляд, но уже поздно — тело выдало меня раньше.

— Ты довольна? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю честно. — Очень.

Он улыбается краем губ. Не играя. И от этого становится ещё опаснее.

Я думаю о том, как он бежал. Как выпрямился. Как ушёл вперёд. Как ловил меня на финише. И эта картинка вдруг перестаёт быть просто воспоминанием — она становится фантазией, тянущей, тёплой, почти запретной.

Я быстро делаю ещё один глоток, будто это может что-то охладить.

— Ты сегодня была... красивая, — говорит он негромко, как факт. — Особенно когда злилась.

Я смеюсь, но внутри всё сжимается.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

Я чувствую, как краснею. И мне это не неприятно.

Между нами повисает пауза — не неловкая, а густая. Наполненная взглядами, полуулыбками, недоказанностью. Я знаю, что если сейчас протяну руку — он не отдернет. И это знание будоражит сильнее любого действия.

Я просто сижу, ем свой сэндвич, чувствую, как усталость и возбуждение странно переплетаются внутри, и понимаю одну вещь, от которой становится одновременно хорошо и опасно: это уже не просто благодарность.

Мы сидим ещё немного, доедаем, пьем кофе. За окном люди расходятся, сцена пустеет, марафон медленно заканчивается.

А внутри у меня остаётся ощущение:

я сегодня бежала не только дистанцию.

Телефон вибрирует на столе.

Коротко. Резко. Не вовремя.

Я машинально бросаю взгляд на экран — и внутри что-то обрывается.

Остин:

«Задержусь. Совещание. Не жди.»

Всего несколько слов. Без смайлов, без вопроса, без заботы.

И будто ледяной водой по позвоночнику.

Воздух в кафешке становится другим. Чуть более жёстким. Чуть менее тёплым. Реальность медленно возвращается, вытесняя эйфорию, как прилив смывает следы на песке.

Я убираю телефон в сумку.

— Всё нормально? — спрашивает Алексей.

— Да, — отвечаю слишком быстро. — Просто... нужно домой.

И этого достаточно.

Я чувствую, как внутри меня что-то закрывается. Не хлопком — осторожно, почти незаметно. Как окно, которое прикрывают, чтобы не тянуло.

Бал закончился.

Мы выходим из кафе, и город кажется другим — менее праздничным, более обычным. Асфальт серый, воздух прохладный, люди спешат по своим делам. Никаких стартовых арок, никаких аплодисментов. Только обычный вечер.

В машине мы почти не говорим.

Тишина не давит — она просто есть. Спокойная. Усталая. После бега, после эмоций, после слишком насыщенного дня.

Алексей останавливается у моего дома.

— Спасибо, — говорю я, расстёгивая ремень. — За всё.

Он смотрит прямо.

— Ты хорошо пробежала.

— Благодаря тебе.

Он качает головой.

— Благодаря себе.

Мы на секунду зависаем в этом мгновении — как будто между нами есть что-то ещё, кроме дороги, руля и приборной панели. Но никто из нас не делает шаг навстречу.

Я открываю дверь.

— Спокойной ночи, Лана.

— И тебе, Алексей.

Я поднимаюсь по лестнице медленно, будто не хочу, чтобы этот день заканчивался. Ключ поворачивается в замке с глухим щелчком.

Квартира встречает тишиной.

Остина нет.

На кухне погашен свет. В гостиной — ровно сложенный плед. Всё аккуратно, правильно, пусто.

Я разуваюсь, ставлю кроссовки у стены, прохожу внутрь.

И только сейчас по-настоящему чувствую усталость.

Бал для Золушки закончился. Карета снова стала тыквой.

И впереди — обычная жизнь.

Глава 10.

Лана.

Утро начинается тихо.

Квартира ещё полусонная, свет мутный, серый — такой бывает только в начале дня, когда город ещё не решил, куда ему торопиться. Я босиком иду по кухне, ставлю чайник, ловлю отражение в тёмном стекле окна. Всё как всегда. Почти.

Остин сидит за столом, спиной ко мне. Телефон в руке — не выпускает его ни на секунду. Экран загорается и гаснет, пальцы бегают быстро, нервно. Он даже не поднимает головы, когда я прохожу мимо.

— Доброе утро, — говорю я.

— Угу, — коротко отвечает он.

Раньше он целовал меня в плечо. Или хотя бы улыбался. Сейчас — только звук, будто я отметилась галочкой в списке дел.

Я наливаю себе кофе, облокачиваюсь на столешницу. Слежу краем глаза: у него сжата челюсть, брови сведены. Он листает что-то, потом резко выдыхает и блокирует экран. Снова включает. Снова читает.

— Что-то случилось? — спрашиваю я осторожно.

Он качает головой, не глядя на меня.

— Рабочие моменты.

Фраза привычная. Универсальная. Та, за которой можно спрятать всё — от сорванной сделки до испорченного настроения.

Я киваю. Верю.

Подхожу ближе, ставлю перед ним чашку с кофе. Он машинально берёт её, даже не смотрит, проливает пару капель на стол. Раньше бы пошутил. Сейчас просто вытирает салфеткой, раздражённо.

— Ты сегодня рано, — говорю я, просто чтобы заполнить паузу.

— Не спалось.

Телефон снова вибрирует. Он читает сообщение и хмурится сильнее. Я ловлю себя на том, что начинаю подбирать слова заранее — как будто иду по тонкому льду.

— Может, завтракать будем? Я могу яйца пожарить.

— Не хочу, — резко. Потом смягчается: — Потом поем.

Я снова киваю.

Он встаёт, берёт пиджак, проверяет карманы. Телефон — обязательно. Без него будто что-то не так. Подходит ко мне, целует в висок — быстро, рассеянно.

— Всё нормально, Лан, — говорит уже на выходе. — Правда. Просто текучка.

Дверь закрывается.

Я остаюсь одна на кухне, с остывающим кофе и ощущением, которое ещё не оформилось в страх. Скорее — лёгкое напряжение, как перед грозой, когда воздух становится плотнее.

Я убираю чашку, мою стол, делаю вид, что ничего не изменилось.

Он сказал — рабочие моменты. Значит, так и есть.

Я всё ещё ему верю.

Телефон звонит, когда я уже переоделась и собираюсь выходить.

Остин стоит у окна в гостиной, рубашка наполовину заправлена, галстук брошен на диван. Он разговаривает тихо, но я сразу слышу — это не обычный рабочий звонок. Голос у него другой. Натянутый.

— Да, я понял... — пауза. — Подождите, как временно заблокирован? — он отворачивается от окна, делает шаг по комнате. — Нет, вы не поняли. Это операционный счёт. Там оборот.

Я замираю в коридоре.

Он слушает, сжимая телефон так, будто может его раздавить.

— Какие основания? — резко. — Проверка была месяц назад. Всё закрыли.

Пауза затягивается. Он проводит рукой по лицу.

— Хорошо. Я перезвоню.

Звонок обрывается.

В комнате повисает тишина, густая и неприятная. Остин медленно опускает телефон, смотрит в пол, потом резко пинает стул. Тот с глухим звуком отъезжает к стене.

— Чёрт.

Я захожу в гостиную.

— Что случилось? — спрашиваю мягко, не подходя слишком близко.

Он делает вдох, выдох. Потом бросает на меня взгляд — раздражённый, острый.

— Ничего критичного.

— Ты сейчас говорил с банком? — осторожно.

— Я сказал — ничего критичного, — отрезает он.

Я сжимаю пальцы на подоле футболки.

— Если это счета... я могу посмотреть договоры, условия блокировки. Может, там формальность, срок—

— Лан, — перебивает он. — Не лезь.

Я замираю.

— Я просто хочу помочь.

— Помочь? — он усмехается, но без улыбки. — Ты вообще понимаешь, как это работает?

Слова бьют сильнее, чем если бы он повысил голос. Да я не все улавливаю, но что-то понимаю. Я не тупая.

— У меня экономическое образование, — говорю тихо. — Я не совсем—

— Ты никогда этим не занималась, — резко. — Ты не в бизнесе. Ты не в обороте. Ты не знаешь, что такое сеть, налоги, поставщики, кассовые разрывы.

Он ходит по комнате, говорит быстрее, жёстче.

— Это не твой уровень, Лана. Не твоя зона ответственности.

Я чувствую, как внутри поднимается что-то горячее — смесь обиды и стыда.

— Я же не говорю, что всё решу сама, — пытаюсь удержаться. — Просто... если тебе нужно, я рядом.

Он останавливается, смотрит на меня в упор.

— Мне сейчас нужно, чтобы ты не мешала.

Пауза.

Я киваю. Медленно.

— Хорошо.

Он снова хватает телефон, начинает набирать номер, уже не глядя на меня. Разговор начинается сразу — жёсткий, короткий, с обрывами фраз.

Я разворачиваюсь и ухожу в спальню.

Закрываю дверь.

Сажусь на край кровати и смотрю в одну точку.

Временно заблокирован счёт. Ничего критичного.

Я повторяю это про себя, как мантру.

Он разберётся. Он всегда разбирался. Просто рабочие моменты.

Остин приезжает в офис раньше обычного — это я знаю уже по сообщениям, коротким, обрубленным: «На работе. Не жди».

Офис встречает его тишиной, которая сразу давит. Обычно здесь шумно: звонки, смех, шаги, кто-то спорит у кофемашины. Сегодня — все говорят вполголоса. Даже кондиционер будто гудит тише.

Он проходит мимо ресепшена, не здороваясь.

Сотрудники поднимают глаза и тут же опускают их обратно в мониторы. Кто-то делает вид, что срочно печатает, кто-то открывает папку, которую и так листал уже десять минут.

— Где поставка по «Бару на Набережной»? — бросает Остин, не останавливаясь.

Менеджер Анатолий вскакивает со стула.

— Там... задержка. Поставщик просит закрыть прошлый счёт, пока—

— Прошлый счёт закрыт! — Остин разворачивается резко. — Или вы не видите платёжки?

— Мы видим, но банк... — Анатолий заминается. — Деньги ушли, но не дошли. Говорят, из-за технических моментов.

Остин сжимает челюсть.

— Технические?

Он заходит в переговорную, швыряет портфель на стол. Через минуту туда подтягиваются остальные — бухгалтер, управляющая по точкам, логист. Все напряжены, будто сидят на краю стула.

— Говорите, — коротко.

Бухгалтер аккуратно складывает руки.

— По двум счетам временные ограничения. Банк ждёт разъяснений по операциям. Мы отправили запрос, но...

— Но что? — голос Остина становится громче.

— Ответ может занять до пяти рабочих дней.

— Пять дней? — он усмехается, но в глазах злость. — У меня зарплаты, аренда, поставки. Вы понимаете, что значит пять дней?

Тишина.

Управляющая по кафе осторожно подаёт голос:

— Люди уже спрашивают, почему задерживают смены. Поставщики нервничают. Если сегодня не уладить, завтра могут просто не выйти.

Остин резко встаёт.

— Вы что, издеваетесь? — он начинает ходить по комнате. — Я плачу вам за что? За то, чтобы вы сидели и разводили руками?

— Мы делаем всё возможное, — тихо говорит бухгалтер.

— Нет! — он срывается. — Вы делаете недостаточно!

Он повышает голос, слова летят одно за другим — резкие, колючие.

— Это сеть, чёрт возьми, а не ларёк! Если вы не можете держать оборот — идите работать в киоск с шаурмой!

Кто-то опускает глаза. Кто-то бледнеет.

Остин хлопает ладонью по столу.

— Пока вопросы не уладим — никаких новых заказов, никаких лишних трат. Всё заморозить. Понятно?

Все кивают.

Он выходит из переговорной, оставляя за собой тяжёлую, липкую тишину.

Дома пахнет едой и чем-то тёплым, спокойным — луком, обжаренным до прозрачности, и тимьяном. Я специально готовлю долго, медленно, будто время можно растянуть, сделать гуще, безопаснее. Кастрюля тихо булькает. Я не включаю музыку.

Остин приходит позже обычного. Не хлопает дверью — просто заходит и замирает в прихожей, будто не сразу вспоминает, что это дом. Пиджак летит на спинку стула, галстук остаётся на шее. Телефон в руке.

— Привет, — говорю я тихо.

— Угу.

Он даже не смотрит на меня. Проходит на кухню, открывает холодильник, закрывает. Снова телефон.

Я ставлю перед ним тарелку.

— Поешь. Ты с утра ничего не ел.

Он смотрит на еду так, будто она мешает.

— Потом.

Я не настаиваю. Сажусь напротив, обхватываю чашку ладонями. Жду.

Минуты тянутся вязко. Остин печатает что-то резкими движениями, потом резко откидывает телефон на стол.

— Всё через жопу, — бросает в пустоту.

Я киваю, словно это было сказано мне.

— Хочешь поговорить?

Он усмехается.

— А что ты скажешь? Что всё будет хорошо?

Я пожимаю плечами.

— Я могу просто быть рядом.

Он шумно выдыхает, проводит рукой по лицу. Взгляд стеклянный, усталый.

— Поставщики давят. Банк мутит. Все вдруг стали умные и осторожные. Когда всё работало — все были друзьями.

Он говорит отрывками, будто слова сами вываливаются. Я не перебиваю. Иногда киваю. Иногда просто слушаю.

— Я всё разрулю, — добавляет он резко, как будто защищаясь. — Не в первый раз.

— Я знаю, — мягко отвечаю я. Я верю. Это бизнес и всегда бывают трудности. Тяжелые и легкие. Остин справлялся и в этот раз ему это удастся. Просто ему надо остыть, все хорошо обдумать и он сможет найти выход.

Остин смотрит на меня чуть дольше, чем раньше. В этом взгляде — раздражение, усталость, и что-то ещё, тяжёлое.

— Ты не понимаешь, — говорит он тише. — Это не бытовые проблемы. Это бизнес.

— Я и не говорю, что понимаю, — спокойно. — Я рядом.

Он встаёт, начинает ходить по кухне. Задевает стул, тот скрипит. Остин резко останавливается, будто сейчас взорвётся, но вместо этого молчит.

Я поднимаюсь, подхожу, аккуратно кладу руку ему на спину. Ненадолго. Он не отстраняется, но и не поворачивается.

— Поешь, — повторяю я. — Потом разберёшься.

Он садится. Делает пару механических движений вилок. Жует без вкуса.

— Завтра всё станет яснее, — говорит он скорее себе, чем мне.

Я киваю. Конечно, иначе быть не может.

Я убираю со стола, мою посуду, двигаюсь тихо. Слушаю, как он снова листает телефон, как тяжело дышит.

Внутри у меня растёт тревога — не резкая, не паническая. Глухая. Такая, что оседает где-то под рёбрами и не уходит.

Телефон звонит, когда я вытираю руки полотенцем. Звук режет тишину, как нож.

Остин смотрит на экран пару секунд, будто решает — брать или нет. Потом всё-таки отвечает.

— Да...

Пауза.

— Понял.

Ещё пауза, длиннее.

— Нет, мы всё прислали. Все документы.

Он слушает молча, только челюсть напрягается. Я замечаю это сразу — по тому, как у него дёргается мышца у виска.

— Ясно, — говорит он наконец. — Хорошо.

Остин отключает вызов и кладёт телефон экраном вниз. Медленно. Слишком аккуратно.

— Кто? — осторожно спрашиваю я.

Остин не отвечает сразу. Садится, опирается локтями о стол, смотрит в одну точку.

— «РиверФуд», — произносит глухо. — Отказались.

— Почему?

Он коротко усмехается.

— Без объяснений. «Пересмотр стратегии». Любимая формулировка трусов.

Я чувствую, как внутри что-то холодеет. Это уже не похоже на рабочие шероховатости. Это цепочка.

— Они же были почти согласны... — тихо.

— Были, — резко обрывает он. Потом тише: — А теперь — нет.

Он снова замолкает. Не злится. Не орёт. Это пугает больше всего.

Я смотрю на него и впервые ясно понимаю: это не просто сложности. Это трещина. И она уже пошла глубже, чем Остин готов признать.

Глава 11

Лана.

Утро начинается тяжело, будто воздух стал плотнее. Я ловлю себя на том, что дышу неглубоко, экономя вдохи, как если бы от них что-то зависело. Остин уже ушёл — рано, без обычного поцелуя в щёку, без «напишу». Только записка на столе: буду поздно.

Я хожу по квартире, навожу порядок без нужды, перекладываю вещи с места на место. Мысли всё время возвращаются к одному и тому же — к его молчанию, к этим отказам без объяснений, к тому, как он всё чаще закрывается в телефоне, как будто там есть ответы, которых нет у меня.

Когда-то я умела думать иначе. Когда-то у меня была профессия.

«Экономический факультет» всплывает в памяти неожиданно чётко: аудитории, запах мела, толстые папки с практикой, ощущение, что я могу. Что разбираться, видеть слабые места, задавать неудобные вопросы — это мое. Я даже работала немного после выпуска, стажировалась, горела этим. А потом появился Остин.

«Моя девочка не должна работать», — сказал он тогда легко, как будто делал мне подарок. — «Зачем тебе эта возня? Я всё решу.»

И я позволила. Сначала с благодарностью, потом — по инерции. С каждым годом всё дальше от той себя, которая знала законы и цифры не хуже чужих имён.

Сейчас это возвращается тяжёлым комом под рёбрами.

А если я могу помочь? А если не просто сидеть и ждать, пока его накроет окончательно?

Я понимаю: он не попросит. Не допустит. Но и сидеть молча пока мой мужчина тонет я тоже не могу.

Я решаю поехать в одно из кафе. Не к Остину — к месту. Посмотреть, как всё выглядит изнутри. Документы, поставки, разговоры. Просто увидеть. Просто понять, насколько всё серьёзно. Может я что-то смогу сделать.

Это не бунт.

Это попытка спасти то, что ещё можно.

Я приезжаю к кафе ближе к полудню и сразу чувствую — что-то не так. Даже не вижу, а именно чувствую: воздух другой. Раньше здесь было шумно, но легко — смех, звон посуды, музыка, вечная спешка. Сейчас шум есть, а лёгкости нет. Всё какое-то натянутое, как струна, которую уже перетянули.

Кто-то спорит на кухне, администратор говорит по телефону вполголоса, бариста нервно протирает стойку, хотя она и так блестит. Деньги здесь пахнут не кофе - они пахнут тревогой.

Я захожу — и несколько человек одновременно бросают на меня взгляд. Узнают. Конечно, узнают. Сейчас гордости в этих взглядах нет. Есть ожидание. И надежда. Это пугает.

— Лана Витальевна... здравствуйте, — администратор улыбается слишком старательно. — Остина Павловича нет.

— Я знаю, — киваю. — Я ненадолго. Посижу?

Меня усаживают за столик у окна, приносят воду, хотя я не просила. Я машинально благодарю и оглядываюсь. Несколько столов пустые. Днём. В этом кафе. Сердце неприятно ёкает.

Ладно. Хватит смотреть. Ты сюда не за атмосферой пришла.

Я встаю и иду к служебной стойке.

— Мне нужны документы по поставкам и аренде. Ненадолго - парирую я администратору.

Тот колеблется, но кивает. Видно: ему все равно, кто именно будет смотреть - лишь бы кто-то вообще понимал, что происходит.

Я раскладываю папки и ловлю себя на странном чувстве. Будто возвращаюсь в прошлую жизнь. В ту, где я умела думать не только о том, как сгладить углы и не злить мужа.

Договор аренды. Я читаю — и морщусь.

Почему так жёстко?

Листаю дальше. Поставщики. Один — с бешеными штрафами. Второй — с расплывчатыми формулировками, которые можно трактовать как угодно. И, конечно, не в нашу пользу.

Я чувствую, как внутри поднимается злость. Не на Остину — пока нет. На ситуацию. На то, что всё это можно было увидеть раньше.

— Чёрт... — шепчу себе под нос.

Налоговые отчёты заставляют меня напрячься сильнее. Не катастрофа, нет. Но именно такие мелочи любят проверяющие. Я это знаю. Я училась. Я умела.

Вот тут можно было бы переформатировать договор. Здесь - сменить поставщика. А это... это вообще надо было закрывать еще полгода назад.

Если сюда придут с проверкой — будет очень плохо.

Я поднимаю голову и смотрю в зал. Официантка спорит с поваром, бариста роняет ложку и раздражённо матерится. Никто не улыбается. Никто не живёт — все выживают.

Меня накрывает.

Не паникой — осознанием.

Это не «временные сложности». Это не «чуть переждать». Это момент, где одно неверное движение — и всё посыпется.

Меня тянет достать телефон, позвонить Остину, сказать: посмотри, тут вот это и вот это...

Но я уже знаю, как он отреагирует.

Ты ничего не понимаешь.

Не лезь.

Я разберусь.

Я медленно складываю бумаги обратно. Руки слегка дрожат — от адреналина и от обиды. Потому что я понимаю. И, возможно, понимаю даже больше, чем он сейчас.

Здесь нужен кто-то, кто умеет давить. Кто не будет жалеть. Кто не сорвётся.

От мыслей меня отвлекает шум, доносящийся от входа в наше еле дышащее кафе. Они приходят внезапно. Именно так, как и приходят всегда — без предупреждения, без эмоций, без лишних слов.

Я стою у стойки администратора, держу в руках папку с договорами, когда дверь открывается и в зал заходят трое. Два мужчины и женщина. Спокойные. Собранные. С выражением лиц людей, которые уже всё решили, просто выполняют процедуру.

— Налоговая инспекция. Плановая проверка, — говорит один из них и показывает удостоверение.

— И пожарный надзор, — добавляет второй, уже осматривая потолок и выходы.

Секунда — и кафе меняется.

Не резко, не взрывом. Медленно, как будто кто-то убрал воздух. Официантка замирает с подносом, бариста перестаёт нажимать кнопку кофемашины, администратор бледнеет так, что мне хочется подхватить её под локоть.

— Владелец на месте? — спрашивает женщина из налоговой, открывая планшет.

— Нет... — голос администратора дрожит. — Но... его жена здесь.

Все взгляды разворачиваются ко мне.

Я чувствую, как внутри всё собирается в тугую узел. Страх есть. Но паники — нет. Есть странная ясность. Именно этого я и боялась. Именно этого ожидала.

— Я здесь, — говорю я спокойно. — Что нужно?

Меня почти не слушают. Проверка уже идёт своим ходом.

Они расходятся по залу. Кто-то идёт к кассе, кто-то — на кухню, кто-то просит документы. Бумаги начинают перекладываться с места на место, папки открываются, ручки скользят по актам.

— Кассовая дисциплина, — сухо говорит мужчина, глядя на экран. — Есть расхождения.

— Какие? — я наклоняюсь ближе, всматриваюсь.

Я вижу их сразу. Мелкие. Но достаточные.

Чёрт.

— Документы на аренду, — говорит женщина, протягивая руку.

Я отдаю договор. Вижу, как брови той чуть приподнимаются.

— У вас дополнительное соглашение не зарегистрировано.

— Оно было подписано, — автоматически отвечаю я. — Я видела—

— Подписано — не значит зарегистрировано, — спокойно перебивает меня.

На кухне пожарный уже что-то фотографирует. Поворачивается к администратору:

— Запасной выход загромождён. Это нарушение.

— Мы... мы уберём, — лепечет та.

— Уже не имеет значения, — отвечает он равнодушно.

Мне становится холодно. Не физически — внутри.

— Лицензия на алкоголь, — ещё один голос. — Срок истекает через три недели. Документы на продление не поданы.

Это звучит как приговор. Я знаю, что это значит. Без алкоголя бар — не бар. Это минус половина выручки.

— Это временно, — пытается сказать администратор. — Мы собирались—

— Собирались — не аргумент, — обрывают его.

Акты печатаются, подписи требуют здесь и сейчас. Бумаги шуршат. Персонал стоит растерянный, кто-то тихо плачет на кухне. Кто-то звонит, шепчет в трубку: «У нас проверка».

Дверь резко открывается.

Остин входит быстро, будто бежал. Галстук перекошен, лицо напряжённое, глаза сразу находят меня.

— Что происходит? — его голос звучит громче, чем нужно.

Все оборачиваются.

Женщина из налоговой поднимает на него взгляд.

— Проверка, — говорит она. — Вы владелец?

Остин кивает, подходит ко мне, становится рядом. Слишком близко. Я чувствую напряжение, исходящее от него, как электричество.

— Почему мне не сообщили? — резко.

— Сообщили в установленном порядке, — спокойно отвечают ему.

Я смотрю на Остина и впервые за всё это время понимаю — он не контролирует ситуацию. Совсем.

А значит, всё действительно плохо.

Далее следуют перечисления всех нарушений, объяснения, акты, подписи. Остин пытается также парировать но все тщетно. Подписывает в нужных местах. Я смотрю на строки и понимаю: это не просто проверка. Это точка давления. Очень точная. Очень болезненная.

Вот оно, — думаю я. — Вот как это выглядит на самом деле.

Когда они уходят, в кафе становится слишком тихо. Не просто тише — будто звук вырвали с корнем. Дверь закрывается, шаги растворяются, и остаётся только запах кофе и чужого присутствия, которое не выветрится ещё долго.

Я стою с папкой в руках и понимаю, что ладони мокрые. Не от пота — от напряжения. Персонал медленно возвращается к движениям, но уже не к работе. Кто-то садится, кто-то прислоняется к стене. Никто не смотрит мне в глаза.

Остин оборачивается ко мне резко.

— Ты зачем сюда полезла?!

Голос высокий, злой. Я вздрагиваю, хотя стараюсь держаться ровно.

— Я хотела помочь, — говорю спокойно, но внутри всё дрожит. — Я увидела проблемы и—

— Ты увидела?! — он усмехается резко, почти истерично. — Ты понимаешь, что ты наделала?

— Я ничего не делала, — отвечаю. — Проверка была бы в любом случае. Я просто оказалась здесь.

— Ты вмешалась! — он делает шаг ко мне. — Они видят тебя, начинают копать глубже! Ты думаешь, это совпадение?!

— Остин, — я стараюсь не повышать голос. — Послушай. Здесь аренда оформлена с нарушениями. Лицензия—

— Не надо! — обрывает он. — Не надо мне читать лекции! Ты в этом ничего не понимаешь!

Слова бьют больно. Я сглатываю.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — тихо говорю я. — Я смотрела договоры. Здесь можно—

— Хватит! — он почти кричит. Люди вокруг замирают. — Ты вообще кто, чтобы решать? Жена? Домохозяйка? Экономист, который ни дня не работал?!

Мне становится холодно. Очень.

— Я не враг тебе, — говорю я уже тише. — Я пытаюсь спасти.

— Спасать буду я, — отрезает он. — А ты не лезь туда, где не разбираешься.

Он отворачивается, ходит по залу, проводит рукой по волосам. Я вижу, как его трясёт. Это не только злость — это страх. Но он не умеет с ним быть.

— Уезжай домой, — бросает он через плечо. — Сейчас.

Я стою ещё секунду, потом киваю. Не потому, что согласна. Потому что дальше говорить бессмысленно.

Выходя из кафе, я чувствую, как внутри что-то ломается. Не громко. Без истерики. Просто тихий треск — там, где раньше было мы.

Ночью он не ложится спать.

Сидит на кухне, свет включён, будто день так и не закончился. Я лежу в спальне с открытыми глазами и считаю шаги — туда, обратно, туда. Иногда он останавливается, тяжело выдыхает, потом снова начинает ходить.

Я выхожу к нему босиком, в тонкой футболке. Он поднимает глаза, будто не ожидал меня увидеть, хотя я здесь живу. Хотя я — его жена. Не официальная, но по сути.

— Всё плохо? — спрашиваю тихо.

Он молчит секунду слишком долго, потом садится, опирается локтями о стол и смотрит в одну точку.

— Если я это не вытяну... — голос срывается, он прочищает горло. — Мы все рухнем.

Слова падают между нами тяжело, глухо. Не как угроза — как признание.

Я подхожу ближе, кладу руку ему на плечо. Он напряжён, как струна.

— Ты вытягивал и не такое, — говорю я. — Это просто сложный этап.

Он усмехается криво.

— Ты не понимаешь масштаб.

— Возможно, — честно отвечаю я. — Но я верю в тебя.

Он ничего не говорит. Просто сидит. Я стою рядом, не зная, нужно ли обнять или оставить его в покое. В итоге просто остаюсь. Этого сейчас достаточно.

Когда он наконец уходит в душ, я возвращаюсь в постель. Но сон не приходит.

Я смотрю в потолок и прокручиваю день снова и снова: проверка, его взгляд, папки, подписи. В голове крутится одна мысль, от которой становится холодно:

А если он правда не справится?

Не потому что слабый. А потому что против него играют жёстко. Холодно. Без правил.

Я думаю о деньгах, о людях, о том, что будет дальше. О том, как легко всё рушится, когда ты слишком долго веришь, что кто-то другой всё решит за тебя.

Рядом Остин тяжело дышит во сне. Я лежу, не двигаясь, и понимаю: тревога больше не уходит. Она поселилась во мне.

Глава 12

Лана.

Иногда я закрываю глаза и представляю океан.

Не картинкой из интернета — ощущением. Тёплый песок под ступнями, солёный воздух, ленивое солнце, от которого хочется щуриться и улыбаться. Холодный бокал в руке, что-то сладкое, с лаймом. Ни расписаний. Ни звонков. Ни слов проверки, блокировка, отказ.

Просто тишина.

Мы были так год назад. Остин смеялся, загорал, строил планы. Говорил, что это только начало, что дальше будет ещё лучше. Я верила. Тогда вообще всё было проще — мир казался устойчивым, как будто его невозможно качнуть.

Я открываю глаза и вижу кухню. Холодный свет. Пустую чашку. Телефон, который не замолкает.

Остин носится по квартире, как зверь в клетке. Пиджак, ключи, телефон — всё впере-мешку. Он выходит, возвращается, снова выходит. Иногда не говорит ни слова. Иногда говорит слишком много.

— Я договорился, — бросает он однажды, уже из прихожей. — Почти.

Вечером возвращается злой и пустой.

— Передумали, — говорит он и наливает себе ещё.

Он пьёт чаще. Не напивается — пока. Но грань тонкая, я чувствую это. Он обещает людям то, чего не может дать. Отсрочки, проценты, доли. Говорит быстро, уверенно, как будто сам себя уговаривает.

Я слышу обрывки разговоров: — Да, всё будет...

— Через месяц максимум...

— Я отвечаю...

И каждый раз после этих слов в его глазах появляется что-то тёмное. Он знает — врёт. Или, по крайней мере, очень надеется.

Иногда он просит меня уйти в спальню, когда говорит по телефону. Иногда забывает об этом и разговаривает прямо при мне, не глядя, будто меня здесь нет.

Я вижу, как он унижается. Как старается понравиться тем, кто ещё вчера здоровался с ним с уважением. Как смеётся не вовремя. Как слатывает, когда ему говорят подумай, мы перезвоним.

И в такие моменты мне хочется снова оказаться у океана. Там, где не нужно ничего решать. Где мир не требует от тебя быть сильной.

Но я здесь. В этой квартире. С этим мужчиной. В этих обстоятельствах.

И я понимаю: если помощь и придёт, то не от тех, к кому он бежит.

В один из дней я ловлю себя на том, что больше не могу просто ждать. Смотреть, как Остин медленно выматывает себя и всех вокруг, и делать вид, что моя роль — быть фоном. Мне нужно хоть что-то сделать. Даже если это ни к чему не приведёт.

Я открываю телефон и долго смотрю на список контактов. Имена всплывают из прошлого, как будто из другой жизни. Однорукники. Люди, с которыми мы сидели на парах, спорили о статьях, мечтали о карьере. Тогда казалось — весь мир открыт.

Я пишу первой.

Сообщения уходят одно за другим. Вежливые. Осторожные. Без деталей, без истерик. Нужна консультация. Есть проблема. Очень прошу посмотреть.

Ответы приходят медленно.
Лан, прости, сейчас не могу в это лезть.

Это слишком рискованно.

Я не по этому профилю.

Кто-то читает и не отвечает. Кого-то я вообще не нахожу — номер устарел, профиль удалён. Каждое «нет» ложится тяжело, но я заставляю себя не сдаваться. Это не про гордость. Это про необходимость.

Еще двое отказывают, но решают под этим предлогом подкатить ко мне. Швыряю телефон на стол. Ну что за глупость.

Наконец пишет Марат. Мы учились вместе, сидели за одной партой на гражданском праве. Он всегда был спокойным, рассудительным. Из тех, кто не суетится.

«Давай встретимся. Посмотрю, что у вас там.»

Я читаю сообщение несколько раз, прежде чем ответить. Сердце бьётся быстрее.

Мы встречаемся в небольшом кафе. Я прихожу раньше, нервно мешаю кофе. Когда Марат садится напротив, мне вдруг становится легче. Он слушает внимательно, не перебивает, задаёт правильные вопросы. Я рассказываю всё, что знаю, всё, что видела. Про проверки. Про счета. Про давление.

Он долго молчит, потом кивает.

— Ситуация сложная, — говорит он честно. — Но не безнадёжная. Есть варианты.

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Впервые за долгое время.

— Правда?

— Да. Но нужно действовать быстро и аккуратно. И не всем это понравится.

Мне всё равно. Сейчас мне нужен этот маленький просвет, эта тонкая полоска света, за которую можно ухватиться.

Когда мы расстаёмся, я иду по улице почти вприпрыжку. В голове крутится одна мысль: может, мы всё-таки выберемся. И я уже представляю, как вечером скажу об этом Остину.

Я возвращаюсь домой с ощущением, которого давно не было, — с лёгкостью. Не настоящей, не устойчивой, но всё-таки лёгкостью. Как будто внутри появился крошечный зазор, в который можно вдохнуть. Я даже улыбаюсь сама себе в лифте, ловлю отражение в зеркале и думаю: всё-таки не зря. Значит, не всё потеряно. Значит, можно бороться.

Дверь в квартиру открываю тихо. Снимаю обувь, прохожу на кухню и сразу чувствую — что-то не так. Воздух плотный, как после ссоры, которой не было. Остин сидит за столом, перед ним ноутбук и телефон. Он не поднимает голову, когда я захожу.

— Я... — начинаю я и тут же замолкаю.

Его плечи опущены. Не напряжённые, не злые — именно опущенные. Это пугает сильнее любого крика.

Телефон на столе загорается. Он берёт его, читает сообщение, и я вижу, как у него дрожат пальцы. Он читает ещё раз. Потом ещё. Медленно кладёт телефон рядом.

— Что случилось? — спрашиваю я, уже чувствуя, как радость внутри сдувается, как воздушный шар.

Он молчит. Просто смотрит в одну точку. Потом глухо произносит:

— Приостановка деятельности.

Я делаю шаг к столу.

— Какой?

— Того кафе. — Он сглатывает. — Штраф. И сроки. Жёсткие.

Он разворачивает телефон ко мне. Я читаю сухой, безличный текст: формулировки, пункты, цифры. Всё официально. Всё окончательно. Внизу — дата. Совсем близко.

— Это... это можно оспорить, — говорю я быстро. — Я сегодня встречалась—

— Не надо, — перебивает он. Тихо. Почти устало.

Я замолкаю.

Остин проводит рукой по лицу, будто стирает себя.

— Всё, Лан. — Он усмехается, но в этом нет ни капли юмора. — Приехали.

Я вижу, как он ломается. Не сразу, не показательно. Просто в какой-то момент внутри него что-то сдаётся, и он больше не держит спину прямо. Сидит, сгорбившись, будто стал меньше.

— Я не вывез, — говорит он наконец. — Понимаешь?

Я подхожу ближе, кладу руку ему на плечо. Он не отталкивает. Но и не реагирует.

Мой сегодняшний свет гаснет окончательно. Просвет, который казался таким реальным, растворяется в этой кухне, среди уведомлений и цифр. И я понимаю: всё стало серьёзнее, чем я готова была признать.

Но это еще не конец. Марат обещал посмотреть, так что все еще можно исправить. Я мечтаю лишь поскорее услышать телефонный звонок от него и радостную весь «эту деталь можно исправить»

Остин открывает бутылку без звука, будто делает это не в первый раз сегодня. Я замечаю это сразу — по тому, как движения слишком уверенные. Он не предлагает мне. И это тоже знак.

Остин пьёт стоя, прямо на кухне. Не смакуя — глотками. Я сижу за столом и смотрю, как тёмная жидкость убывает, как вместе с ней убывает что-то в нём. Или наоборот — выходит наружу.

— Знаешь, что самое хреновое? — говорит он вдруг, не глядя на меня.

Я молчу.

— То, что я тяну всё это один.

Он ставит бутылку на стол с глухим стуком. Стекло звякает.

— Я бегаю, унижаюсь, обещаю, выкручиваюсь... А ты? — он усмехается. — Ты просто сидишь.

Слова не сразу доходят. Я чувствую, как они проходят сквозь кожу, цепляются где-то под рёбрами.

— Я стараюсь помочь, — тихо говорю я. — Я сегодня—

— Помочь? — он резко оборачивается. Глаза блестят. — Чем? Своими разговорами? Своим сочувствием?

Он делает шаг ко мне, потом ещё один.

— Ты сидишь у меня на шее, Лана. Всегда сидела. Красиво, удобно. А пользы — ноль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.